

БУДУЩЕЕ

Конец апреля

И почти тут же его голову пронзила пуля. Она вылетела с другой стороны, проносясь куда-то в неизвестность, а я отчетливо видел, как кусочки черепа проламываются изнутри и красный фонтанчик вырывается наружу, забрызгивая синюю крышу машины.

Аня закричала, её крик слился с криками других людей, выстрелами и потрескиванием огня взорванной машины. Я хотел было схватить её за руку, но она бросилась к упавшему мужу, обвила его руками за обезображенную голову, из которой пульсирующим фонтаном била алая кровь, и стала гладить красные, мокрые волосы, продолжая громко рыдать.

К нам шли люди в военной форме и с оружием в руках. Они стреляли по машинам, добывая тех, кто не успел скрыться, они стреляли по тем, кто пытался убежать.

И по нам.

Я упал на землю.

А я бежал прочь от дороги, прочь от смерти, я опять был зверем, я опять уносился вдаль, слыша сзади выстрелы и крики, треск горячей машины, чую запах пороха и жареного мяса. И всё это, всё это сливалось в одну единственную войну, войну за Бога, которая началась сегодня и которую мы уже проиграли.

Автор не стремится оскорбить чьи-либо религиозные чувства пытаясь показать, как разрушителен радикальный ислам и с чем мы можем столкнуться, если не начнем работать на опережение. Этот роман – отчасти прогноз на будущее, а отчасти основан на реальных событиях, прямых фразах, документах и судьбах лично знакомых и дорогих автору людей.

ПРОШЛОЕ

Март

Мы сидели в подвале одного из петербургских домов. Сам подвал был переделан под молельню; в центре плохо освещённого помещения стояло капище в виде полена с вырезанными на нём чертами лица, под поленом свалены какие-то предметы и сено, залитое кровью.

Еле-еле горели лучины. Пахло сырým мясом и потом. Обычные язычники предпочитают собираться за городом, но в Петербурге это очень трудно, особенно, когда весной идёт град.

Надо сказать, что неоязычники – весёлые ребята, если бы мне не приходилось с ними работать, то я бы даже испытывал к ним симпатию. Чего стоит один тот факт, что собеседника моего звали Дубыня? По крайней мере так он представился.

– ...Да, именно поэтому христианство – это искажённый культ золотого оленя. Чисто славянского культа, не испорченного еврейскими веяниями, – закончил долгую свою речь-лекцию худой мужчина лет сорока с длинными волосами и очельем на голове, в свободной, под старину, рубашке.

Этот человек не был ролевиком или толкинистом, а являлся жрецом местного неоязыческого культа. Да, вы не ослышались, неоязыческий культ в Петербурге в двадцать первом веке. Наш с ним разговор наконец-то был закончен. Рассказывал этот персонаж, как и большинство неоязычников, абсолютную ересь, но ересь вполне весёлую. Я, признаться честно, его совсем не слушал, хотя обязан был направлять интервью своими вопросами, но в данном случае слова из Дубыни рвались, как вода из фонтана в Петродворце. Тем более что всю его речь прекрасно записал мой верный диктофон. Удручает только одно – мне придётся делать из записи стенограмму, переписывать в компьютер его слова. Но, в конце концов, всё для исследования, всё для науки.

– Спасибо большое, было очень продуктивно, – сказал ему я и выключил запись на диктофоне. Наконец-то это мучение кончилось. Не прошло и двух часов, а нет, как раз почти два часа мы и наговорили.

– Молодец, – крикнув мне в лицо это слово, начал жрец, – напomini старику, на кой тебе запись сия?

«Старик из тебя так себе», – пронеслось у меня в голове.

– Я же говорил в самом начале, я аспирант – я пишу статью про неоязычество в современном Петербурге. Мы для этого всё и затеяли.

– Так давай я тебе книг надарю? – у Дубыни в глазах вспыхнули огоньки. По этим огонькам я понял, что у него ещё, в отличие от меня, есть запал для разговора.

– Давайте, но мне идти уже надо, время, сами понимаете.

Он стрелой рванулся куда-то в подсобку и вернулся обратно с пакетом книг.

– Молодец, – опять крикнув и, по совместительству, брызнув тёплой слюной мне в лицо, продолжил Дубыня, – хошь, отвар славянский дам попробовать?

– Мёд что ли?

– Какой мед! Наши предки алкоголь не употребляли. Никогда славяне эту отраву заморскую не пробовали.

– Мне уже бежать надо, я бы с удовольствием.

Я ещё поблагодарил его, мы пожали руки, целоваться «по доброму славянскому обычаю» я отказался.

Выйдя из подвала, я встретил на улице петербургский холодный промозглый вечер, и мы мысленно поздоровались.

Подвал.

В наше безумное время всё, что не подпадает под общее сознание, всё, что не попадает в тренд, уходит в подвалы – культура, наука, религия. В подвалах ютятся книжные маленькие магазинчики, небольшие научные журналы, философские кафе, бары, авторские студии, оргии и неформальные религиозные общины. Что между ними общего? Они не котируются в нашем мире, внутри нашего общества, где правят спрос и предложение, где нужно зарабатывать, а не работать, – больше ничего общего среди них нет. По моим наблюдениям, всё больше сфер исчезает из реального мира, всё больше людей уходит в неформальные объединения, растворяются, не считаются нашим поколением айфона, Инстаграма и BMW. Чем больше официального, обычного мира просачивается сквозь дыры в этом самом мире и утекает из него, тем больше надломов будет в будущем, тем больше нашим детям придётся хлебнуть горя.

Тем веселее история будет для историка.

Я шёл сквозь пелену вечернего Петербурга, по-хорошему надо бы идти к метро, надо бы работать и чего-то достигать в жизни, чего-то добиваться, вырывать у соперников свежий кусок мяса прямо из глотки. Ведь второй жизни уже не будет.

Но иногда так и тянет прогуляться по городу, посмотреть на людей, на машины, на дома, особенно в Петербурге, в этом прекрасном замке среди всех одиноких камней.

Я взял кофе в бумажном стаканчике, закурил. Лёгкий ветер ласкал моё лицо и уносил клубы дыма дальше по улице, они заворачивались в безумном танце, а огонёк сигареты сливался с огнями города, витрин, домов, фонарей.

Тёмное, в тучах, вечернее весеннее небо нависало жирным куском мироздания над весёлыми витринами, шумными авто, пьяными компаниями. И надо мной оно тоже нависало. Я был частью этого города и одновременно чуждым ему как бы тайным наблюдателем. Иногда мне казалось, что я смотрю за городом, а иногда – что город смотрит за мной, и мы понимаем в чём-то друг друга с полуслова.

Я гулял, я прошёл почти по всему Невскому к ростральным колоннам, остановившись возле каменного зеркала Невы.

Кофе, как это бывает с любым кофе, кончился. И уже скоро должно было закрыться метро, но вид очнувшегося от зимы города, его огни, небо над головой, люди вокруг – все это создаёт ощущение какой-то странной праздности и возвышенности, оттого домой идти совсем не хочется. Хочется почувствовать себя живым, а не ехать в бетонный зиккурат на окраине города, чтобы закрыться в собственном склепе на двадцать квадратных метров с санузелом и кухней. Я свернул в ближайший бар, который оказался кубинским.

Внутри было накурено, несмотря на пресловутый закон об отмене курения. Играла громкая, бодрая музыка, пахло хорошим алкоголем и сигарами. За барной стойкой возвышался огромный, титанического вида и добродушной природы чернокожий бармен, который с особой магией в движении, как древнее божество, умело орудовал бутылками, рюмками, стаканами и тарелками со снедью. Людей было немного, наверное, потому что будний день, однако для буднего дня вполне достаточно.

Я сел за барную стойку и сквозь музыку протянул бармену, который слушал меня с добродушной улыбкой, специально заготовленную фразу:

– Una copa de ron, por favor¹!

– О, si! – ответил он мне своими громоподобным голосом.

И почти тут же передо мной оказался бокал с первоклассным кубинским ромом. Я пригубил, казалось, что во рту расцветают букеты цветов и бабочки порхают над ними.

---

¹ Один бокал рома, будьте добры.

Я закурил.

Но почти сразу сквозь дымовую завесу в бар вошла она. И описать её так, с помощью букв и слов, словосочетаний и предложений, не хватит ни краски, ни листов, ни многотомного собрания сочинений в её честь. В бар зашла она.

Она.

Как императрица, как помещица в свои владения, как богиня на Олимп, как жрица в храм.

Она.

Не описать, не передать Ёе прекрасные голубые глаза, её-золотые волосы, которые аккуратно ложились на синее пальто, её ровные, утончённые черты лица и прямой, аккуратный, нежный стан. Казалось, что весь шумный бар, весь сигаретный дым, вся улица, весь город меркнут по сравнению с ней, что весь городской пейзаж отдаляется назад, падает куда-то вниз. И на нас надвигается сплошная чернота, в которой только мы вдвоём. Я и она.

Она была одна. Никто не помог ей снять прекрасное синее пальто, никто не помог ей повесить его, и никто не сделал ей комплимента по поводу шикарного платья.

Она одна села за столик и закурила.

К ней подскочил официант, она ему что-то сказала, властно махнув своей прекрасной рукой.

Время позволяло сыграть в игру, в игру с большими ставками, в игру с большим выигрышем. Я двинулся к ней.

– Девушка, – специально съедая и будто бы смягчая окончания слов, начал я, – какое вино вы предпочитаете? Красное или белое?

– Это вы мне?

– Да, конечно.

Она громко засмеялась

Внутри у меня всё ёкнуло, но виду я не подал и изобразил на лице располагающую улыбку.

– Нет-нет, молодой человек, высший балл за попытку, но вино я бы не рискнула пить в кубинском баре, иначе из-за его сладости я отсюда не уйду. Но я бы выпила рома.

Она стрельнула на меня глазами.

– Садись, прошу, не нависай, и молю тебя, всеми ангелами заклинаю, не корчи такую омерзительную улыбку, мне страшно.

Я сел, подозвал официанта и сделал заказ, почти сразу тот принес ей такой же бокал, как и у меня. Мы чокнулись.

– За встречу, – томно сказала она.

– За всё хорошее, против всего плохого.

Выпили.

Она начала разговор, затянувшись сигаретой:

– Дай я угадаю, ты какой-нибудь поэт или писатель. Хотя нет, по твоим грустным глазам видно, что ты ещё и очень умный. Может, ты врач?

– Всё мимо.

– Эх, я плохой стрелок.

– А ещё я не знаю твоего имени.

– Как и я твоего.

– Что ж, в этом мы похожи.

– Так все-таки, чем ты занимаешься?

– Если я скажу, тебе будет скучно. И неинтересно.

– Должно же в жизни быть неинтересно. Ты дворник? – она засмеялась.

– Хуже, я аспирант.

– Да? И какая наука?

– Политология.

Она опять засмеялась, сверкнув белыми, как снег, зубами.

– Лучше бы дворник. Это не смешно, а очень грустно.

– Нет, прости, смешно.

– А вот ты?

– Я – да, – она опять засмеялась. Видно было, что это не первый бар за сегодня.

Что-то было в её смехе натянутое, такое нервозно-пульсирующее, такое взрывное. В её глазах жило столько грусти, что от одного взгляда на них становилось не по себе, она курила, покручивая сигарету в руке.

– Я вижу, что ты в поиске, – сказал я ей.

Она перестала смеяться.

– Ты что-то ищешь. Ты ищешь себя одновременно с тем, что ищешь другого человека. Потому что часть себя ты потеряла вместе с ним. Я вижу по твоим голубым глазам, что-то случилось, и ты переживаешь это болезненно, и тебе плохо. Так плохо, что ты ушла вовнутрь души и видишь этот мир только сквозь призму себя, как в каком-то фильме, смотришь на мир сквозь персонажа. Но это, судя по всему, не фильм. И ты, скорее всего, не главный герой. И не заиграет My Morning Jacket, и не пойдут титры.

Ром дал мне в голову, особенно если учесть, что я из-за разговоров с Дубыней ничего не ел. Ром дал в голову и заставил говорить то, чего я не знаю. И, судя по всему, ром угадал.

Она смотрела на меня остекленевшими глазами. Грусти в её глазах прибавилось. А потом она вскочила, опрокинув свой бокал, сорвала с вешалки пальто и бросилась на улицу, а я бросился за ней.

На выходе из бара, на самой улице я схватил её за руку и повернул к себе. Из её прекрасных синих глаз текли слезы.

– Отпусти, отпусти, – кричала она.

Я отпустил.

– Да, да, я потеряла! И я не могу найти.

В её голосе играли обычные женские истеричные нотки.

– Я потеряла мужа. Да! Я пытаюсь забыть. Я ищу его. И не могу найти. Каждый день я прихожу домой, а его там нет и уже никогда не будет. Я почти забыла. Да! Да, чёрт возьми, ты прав, ты прав, жизнь – это не фильм, ты не вылечишься от рака, ты не найдёшь своё счастье. Это всё такой бред, такая ерунда! Ты прав. Ты, чёрт возьми, прав. Зачем ты только мне об этом напомнил. Будь ты проклят!

Слезы текли без остановки, увлекая за собой к ямочкам белых щек тушь.

– Зачем? – шепотом сказала она, но я расслышал сквозь барную музыку.

Она развернулась и пошла прочь.

– Как тебя зовут? – крикнул я ей вдогонку.

– Оля. Можешь и ты меня найти теперь! – с полупьяной издёвкой ответила она.

Я расплатился за себя и за неё.

Метро ещё было открыто. Можно было успеть на последний поезд.

В вагоне я посмотрел книги, которые дал мне этот Дубыня, – «Славяно-арийские веды», «Что есть ПРАВО СЛАВИЕ», «Как славяне Правь Славили и Славь Правили» и прочие подобные в таком же ключе.

Рассматривая шедевры мирового неоязычества, я и не заметил, как прибыл на свою конечную станцию. Жил я в одном из тех многочисленных районов, которые появляются в больших городах нашей страны, как грибы после дождя.

В тот самый район, чьей рекламой завешано всё метро, который первые десять-пятнадцать лет выглядит нормально, в какой-то мере терпимо, пока его обитатели не стареют, а их дети не вырастают. И тогда кнопки в лифте начинают плавиться под пламенем зажигалок, на стенах появляются граффити, а по дворам ходят стайками молодчики в спортивных костюмах и в тупых лицах, тогда для нормальных людей появляются новые

жилые районы, а старые так и остаются во власти пенсионеров и откровенно тупой молодежи.

Подходя к дому, я купил сигарет, на выходе из магазина моё внимание привлекла машина на парковке, на заднем стекле которой была наклейка с полумесяцем и арабской вязью. Ничего необычного – в Северной столице много мусульман, но именно в этой машине было что-то для меня эпохальное, то, что, как знак судьбы, настраивает тебя на определенный лад.

Придя домой, я сел за расшифровку записи – статья сама собой не напишется, и кандидатская не защитится. Пока я сидел за компьютером и набирал в документ речь жреца, меня не покидала мысль о том, чем я занимаюсь. Мне двадцать семь, у меня за плечами высшее, прости Господи, образование – бакалавриат и магистратура, множество конференций, статей, выступлений, горы прочитанных книг, умных книг, которые мало кто в этой стране может понять... и что?

А ничего.

Мечты юности о том, что, выучившись на политолога, я стану умным и серьёзным дядей, стану политиком или великим экспертом, не оправдались и, возможно, не оправдаются никогда – денег в образовании мало, зарплаты у преподавателей нищенские, в политику путь закрыт – на должность возьмут дверь от «Запорожца», если она чей-то знакомый или сын, чем тебя с твоими знаниями и прочим не нужным. Перспективы туманны, одним словом. Многие мои сверстники уже сделали карьеру – торгуют недвижимостью, перепродают алкоголь, мебель. Много у них денег – молодцы, а толку? Где здесь созидание? Где человечность, творчество? В том, чтобы перепродавать водку или телефоны, творчества ноль, абсолютный, космический ноль. А я не хочу быть нулём, я не такой, я всё своё, весь свой багаж не продам на алтарь алчности. Уж лучше я уйду в минус, чем буду позитивным нулём, как все вокруг. Пусть лучше нищенски, зато самость моя будет во мне.

Я закончил перебивать бредни Дубыни. Это было последнее интервью из серии, которые мне нужны для статьи, – я хотел написать большую, интересную статью про язычников в Петербурге. Этим вопросом еще никто не занимался, и был шанс сделать себе имя на неисследованной теме. Хоть не имя, а так, имечко.

Хватит ли у меня запала на статью этой ночью?

Сам не знаю, в любом случае, надо покурить. Я вышел на общий балкон – в квартире я никогда не курил, соблюдая хоть какое-то подобие порядка.

Достал сигарету.

Чиркнул зажигалкой.

Ночь, спокойная весенняя ночь, пронизывающий ночной ещё зимний холод, редкие огни в квартирах. Я посмотрел вниз, моё внимание привлекли несколько толпящихся мужчин у подъезда в противоположном доме. На головах у них были тюбетейки, они о чём-то напряженно говорили. Во двор заехала дешёвая машина с тонированными стеклами, из неё вышли женщины в хиджабах.

«Незаконная молельня», – пронеслось у меня в голове. Раньше я изучал политику и ислам, ислам в политике и прочее, связанное с этой религией. Я что-то ещё помнил, в квартире лежало много книг по исламу, а на компьютере ещё не были удалены статьи и электронные версии монографий.

Тем временем мои наблюдаемые шмыгнули в дверь подъезда, и дверь громко захлопнулась за ними – видать, опять сломан доводчик.

Я же вернулся домой.

После того, что я наблюдал сейчас, у меня пропал весь внутренний интерес к неоязычникам, и я стал просматривать накопившуюся у меня дома литературу по исламу. Как много я забыл и как много я вспомнил. Ведь ислам – очень сложная система, очень динамичная и аккуратная – она многоярусна и неоднородна. Так, хоть кто-нибудь не из экспертов знает, что в исламе есть деление на шиитов и суннитов? И что деление это произошло из-за разногласий по поводу наследования власти? Кто-нибудь знает, что внутри суннитов и внутри шиитов нет единства, и только у суннитов есть четыре основных толка мусульманского права?

Вряд ли.

Вряд ли кто-то из не экспертов знает, что халифат был вершиной развития науки, астрономии, математики и философии, что в средневековой Европе максимально уничтожали наследие античности, а Аристотеля просвещённые европейцы были вынуждены переводить с арабского, ибо свои свитки они уничтожили. Вряд ли кто-то об этом знает. И вряд ли они знают о том, что на крестоносцев в халифате смотрели, как на варваров.

Я захлопнул книгу, которую читал, за окном светало. Я всегда любил работать ночью – была в этом некая своя нотка романтики и чертовщинки. Днём все напоказ, днём всё освещено и открыто, днем всё не интересно. Ночь – стихия искателей.

Я лег спать.

Утром, самым обычным утром, абсолютно общим и людским утром, часов в десять, когда у меня была глубокая ночь, мне позвонили. Сколько матерных слов я вспомнил, сколько отвратительных ругательств мне пришло в голову! Я поднял трубку, не глядя на номер:

– Алло, да? – мне казалось, что голос мой был похож на голос воскресшего утопленника.

– Привет, спишь что ли? – узнал я по голосу своего старого знакомого из одного околосударственного ведомства, думаю, у каждого есть подобный знакомый.

– Привет, Паш, как сам? – проигнорировал я его вопрос.

– Слушай, времени распространяться нет, у нас тут тема одна наклеывается, ты же исламом занимаешься?

– Ну вообще да, изуча... чаю, – соврал я.

– Отлично, тогда давай так, сможешь через часик-два подъехать ко мне?

Что у этого человека в голове? Неужто все жаворонки такие наглые?

– Да, думаю, смогу.

– Адрес кину эсэмэской. До встречи.

Гудки.

Я встал, быстро оделся и понесся туда, куда было сказано.

Как выяснилось, меня пригласили в небольшой офис какой-то неизвестной мне структуры, спросонья я и не догадался одеться поприличней и теперь чувствовал себя очень неудобно. Меня встретили и провели в кабинет к «Павлу Михайловичу».

– Здоров, – Павел Михайлович восседал за широким, крепким чиновничьим деревянным столом, он протянул мне руку, мы поздоровались, – слушай, времени нет вообще, давай быстро.

Только сейчас я заметил, какой он уставший и не выспавшийся, прямо как я.

– Да, я готов, – ответил я.

– Значит, смотри, есть заказ из Москвы на создание системы мониторинга за активностью радикалов, исламистов и джихадистов. Дело крайне серьезно, что-то по стране пошло не так, времени на разглагольствования нет. Только вчера пришёл темник. Мы здесь в Питере делаем. Я делаю. Деньги там пока небольшие, работаем в пилотном режиме. Тысяч пятьдесят, скорее сорок в месяц иметь будешь. Работать надо очень много. Суть – отслеживать активность в сети, общаться с мигрантами, с местными муфтиями. Вас оформят как журналистов-спецкоров. Работа в офисе, на Васильевском острове. Пока нормально?

– Ну пока ничего плохого не вижу, – ответил я, – с работой у меня еще хуже.

– А диссер как?

– Готов, сейчас статью дописываю. И думаю, осень защищусь.

– И вот еще что, ты с профессором Резновым знаком?

– А что?

– Ну он руководитель там.

– Знаком. Виделись на конференциях.

– Ну вот он будет руководить всем вот этим пока.

– Отлично, я согласен, но, Паш, а почему именно я?

– Ну тебе я могу лично доверять. А потом, у меня знакомых по исламу не так много. А темник спустили с пометкой «срочно». Я же не буду сейчас искать кого-то нового?

– М-да.

– В общем, завтра ждать тебя будут на 10-й линии, в офисе, в шестьдесят первом доме, в девять утра, там дальнейшие инструкции.

– Слушай, а почему такая спешка?

Он провёл глазами по комнате, как будто выискивая тайных агентов, а потом сказал:

– А тебе какое дело?

– Понял, вопросов больше нет. Паш, спасибо тебе.

– Ты работай на славу. Не подведи. Давай, удачи.

Я закрыл дверь, спустился вниз и вышел из офиса. Было как раз то время, когда я обычно просыпаюсь. Я достал сигареты и закурил, купил кофе – стандартный набор петербуржца. Если завтра надо на работу, причем так рано, то пора выравнивать режим. Признаться честно, я всем нутром ненавидел жаворонков – этих захвативших мир эгоистов, этих вечно позитивных, бодрых, весёлых людей, которые к вечеру превращаются в дёрганных, сонных и раздражительных маньяков. Сердце мое обливалось кровью за нас, за совушек, которые были вынуждены подстраиваться под мир, захваченный этими жаворонками. Знаете, если честно, дали бы вы мне волю жить и спать, как я хочу, – я был бы вполне нормальным бодрым человеком, весёлым, и, возможно, даже бы бросил курить. Но мы вынуждены подстраиваться под этот неудобный нам режим.

Иногда я надеялся, особенно утром в метро, что свершится «Великая Совиная Революция», и мы заставим всех жаворонков жить по-нашему. Вот была бы потеха.

Нет ничего более ужасного, когда тебя не понимают. Когда вокруг пляшет мрак, когда вокруг чужие тебе и чужое тебе, – а ты, как Ноев ковчег, вынужден плыть в окружении волн, ветров и бурь. Один.

Абдулла чувствовал себя ковчегом каждый день. Каждый день он был счастлив, когда засыпал, и ненавидел мир, когда просыпался. За что его было любить? Он приехал в большой город из маленького, провинциального, надеялся найти себя, найти себя вдали от засилья патриархальности, вечных родовых правил в большом, прекрасном городе возможностей.

Город невозможностей.

Когда Абдулла пытался снять квартиру, ему отказывали. Когда пытался устроиться на работу, внимательно слушали, читали резюме, кивали головой и говорили: «Мы с вами обязательно свяжемся». Не связывались. А ведь Абдулла был бухгалтером, он был хорошим бухгалтером – с детства ему нравилось считать, складывать цифры, они казались ему чем-то магическим, чем-то утончённым, абсолютным. На родине он работал, работал без вопросов и без нареканий по поводу национальности, он мог жить в нормальной квартире, а теперь?

А теперь ютится в маленькой комнате в полуразбитом доме у хозяев-алкоголиков.

Каждый вечер эти люди напивались и устраивали дебоши, курили на кухне, приводили каких-то серых людей в татуировках.

При каждом отказе на собеседовании Абдулла искал ответ в себе, что он сделал неправильно, как сделал неправильно, почему? В чём прокололся. Не может быть такого, чтобы мир вокруг был неправильный? Ведь так?

Сегодня у него по плану собеседование. Если он в ближайшие дни не найдёт работу, то ему будет нечем платить за комнату, деньги, отложенные на переезд, кончатся. А это значит, что его выгонят из квартиры, нечего будет есть. Придётся вернуться домой.

Он оделся. Он оделся в лучшие вещи, в лучший костюм, он прорепетировал улыбку у зеркала, он побрился, надушился одеколоном, потренировал речь без акцента.

Акцент!

Не может мир быть неправильным – дело в нём самом.

Метро – офис – секретарша с тупым взглядом – собеседование – «мы вам перезвоним».

Метро. Опять дорога домой. Последние надежды Абдуллы таяли – придётся возвращаться, придется объяснять родителям, на что ушли деньги, как он не смог справиться с целью. Отец не поймёт, дед не поймёт, дяди не поймут. Только мать пожалеет, но не при отце.

Он шёл домой, он смотрел вниз. Сейчас он был похож на брошенного и потерявшегося ребенка. Ему не хватало только игрушки в руках. Брошенного взрослого никто жалеть не станет, может, даже накричат, могут пнуть, могут даже обматерить. А ведь взрослый – он тот же ребенок, только больше и глупее. Настроение у Абдуллы было кинуться в реку, но самоубийство – великий грех. Если у тебя проблемы – исправляйся, подстраивайся. Самоубийство не выход.

У него осталось денег на билет и еще немного на покушать. Может, поднять себе настроение? Хоть чуть-чуть «шикануть», ведь в последнее время он и так сильно экономил и ужасно похудел.

Рядом была небольшая забегаловка с вывеской «Шаверма». Абдулла зашёл, взял шаверму в лаваше и сел у окна за липкий и обшарпанный столик. Он ел тёплое лакомство и смотрел на большой город за окном, на гуляющие семьи, парочки, проносащиеся авто, на всё это многообразие, которое ему придётся оставить и вернуться к себе в тихую, маленькую размеренную жизнь. На глазах навернулись слёзы, слёзы детской обиды и непонимания. Почему? Почему его не понимают? Что, что он делает не так?

– Брат, – услышался крепкий мужской голос.

Возле стола стоял мужчина восточной внешности в спортивном костюме. Абдулла сделал вид, что зевает, и слёзы его из-за зева.

– Брат, – продолжил мужчина в костюме, – меня зовут Али, а тебя?

– Абдулла, – ответил он, так и не выпустив шаверму из рук.

– Я присяду? – спросил незнакомец.

– Конечно! – ответил Абдулла.

– Как дела, как поживаешь?

– Ну... – он на секунду задумался, а стоит ли говорить с незнакомцем. Но сразу же вспомнил, что весь город для него незнакомцы, что все люди кругом ему чужие. И он очень давно уже ни с кем не говорил, кроме как на собеседованиях.

– Не особо, – продолжил Абдулла, – на работу не устроиться. Деньги кончаются. Я скоро домой уеду.

– Денег, говоришь, нет. Давай это, – он указал на шаверму, – будет для тебя бесплатно?

– Нет, спасибо. – ответил Абдулла.

– Брось, мы, мусульмане, обязаны помогать друг другу.

– Мне нечем тебя отблагодарить.

– Пойдём со мной на намаз? Мне будет приятно прочитать намаз вместе с таким хорошим человеком!

Он давно уже не молился. Наверное, как приехал в большой город. Почему бы и не помолиться, вдруг что-то получится.

Али заказал чай, они ещё разговаривали какое-то время. Абдулла успел рассказать про свои проблемы, откуда он и как он дошёл до жизни такой. Потом неожиданный знакомый посмотрел на часы и повел Абдуллу за собой. Они прошли от кафе какое-то расстояние, свернули с главной улицы во двор, зашли в дом, поднялись на второй этаж.

Квартира на втором этаже была с закрытыми наглухо окнами, полусодранными обоями, с кухни пахло чем-то странным. Свет исходил только от электрических ламп. В прихожей было много мужской обуви, кто-то мылся в ванной.

Али попросил разуться и после того, как из ванной вышел человек, повёл Абдуллу делать омовение. И вот они собрались в самой большой – второй (квартира была двухкомнатная) комнате. Здесь не было мебели – только один большой зелёный ковер и небольшой стульчик на другом конце комнаты. На ковре сидели человек двадцать мужчин в тюбетейках, они о чём-то разговаривали.

Все поздоровались, из второй комнаты вышел невысокого роста человек, скорее всего, араб. Он был облачён в религиозные одеяния. Как только араб зашёл в комнату, все встрепенулись, замолкли, встали, чтобы совершить молитву, вознести Богу свои слова. Араб занял место впереди всех. Начался намаз.

После молитвы имам прочёл небольшую проповедь на арабском, из которой Абдулла ничего не понял. После проповедник снова ушёл в комнату, мужчины остались в молельне, сбились по кучкам и о чём-то начали разговаривать. Али поднял руку вверх, все замолчали.

– Братья, хочу представить вам нашего брата! Абдулла!

Мужчины с улыбками по очереди подходили к новичку и, пожимая руку, говорили: «Привет, брат».

«Брат» – давно никто не относился к нему так хорошо, с такой гостеприимностью, с таким радушием и добротой.

После мужчины сели в круг, начали обсуждать что-то непонятное для Абдуллы, кто-то принёс с кухни чай. Вскоре Али познакомил новичка с тучным низким человеком, у которого был какой-то небольшой бизнес. Звали его Фарид. Тот дал номер и предложил Абдулле завтра позвонить и подойти на собеседование. Вся беседа после молитвы заняла от силы полчаса, и люди стали расходиться.

Али проводил Абдуллу до метро.

– Ну что, завтра позвони. Буду ждать тебя на молитвах. Не забывай, чем я помог, брат.

– Спасибо тебе, я даже не ожидал, что...

– Мы должны помогать друг другу! Кто тебе поможет? Они? – он обвёл рукой проходящих мимо людей?

– Нет, они мне не помогают, – потупил глаза Абдулла.

– Именно! – вздернул вверх указательный палец Али, – только братья помогают друг другу! Держись нас, мы тебе поможем.

– Ладно, спасибо большое!

– Лучшая благодарность – видеть тебя на молитвах рядом со мной, брат.

Они пожали руки. «Брат» – мерно качалось в голове у Абдуллы такое успокаивающее и теплое слово.

* * *

Офис напоминал один из сталинградских домов времён Великой Отечественной войны – это было подвальное помещение с плохим освещением, туалетом с работающим через раз смывом, потёртым диваном, несколькими столами и стульями. Почему судьба постоянно тащит меня в подвал? По всему офису валялись коробки – от кулера, компьютеров, кофе-машины и прочей ненужной офисной дребедени, которую только-только привезли. Профессор Егор Николаевич Резнов стоял возле стола посреди необжитого офиса. Он был невысокого роста, седой, с брюшком и в зверского размера очках, которые, казалось, придавали ему профессорско-бульдожий вид.

Вокруг него, как солдаты вокруг офицера на биваке, восседали на потёртых стульях (очевидно списанных из какого-то другого офиса) молодые специалисты, которых, как и меня привлекли в проект. Мы все были не выспавшиеся и, как и вся петербургская интеллигенция, с очень грустными лицами. Двое из моих новых коллег были молодыми, почти ровесниками, третий постарше, и, судя по его солидному виду, являлся преподавателем в вузе.

По всему офису разносился запах важности и неповторимости момента. Все мы понимали, что собрались в этом подвале не просто переключать бумажки из одной стопки в другую, хотя и не без этого. Мы собрались, чтобы работать с одним из самых опасных врагов, умных врагов, мощных врагов, который и идеологически, и технически нас может превосходить.

Мы были незнакомы, нам только предстоял этап «прекрасной» офисной притирки и знакомства: корпоративные попойки и беседы в курилке. Надеюсь, что они курят, иначе я совсем умру со скуки.

– Ребят, ваши имена я знаю, познакомьтесь как-нибудь сами, – профессор Резнов обращался к нам как к своим ученикам. – Наши задачи очень просты – половина сидит в офисе, половина гуляет ножками. Та часть, что сидит в офисе, – ваша задача в мониторинге групп в интернете. Люди вы взрослые, объяснять вам не вижу смысла. Инструкции из Москвы выдам, там всё подробно описано. Времени очень мало, меня самого оторвали от работы над книгой. Давайте сразу приступать.

Он вынул из коробки на столе несколько смартфонов и выложил на стол перед нами, обвёл все это рукой.

– Нам выдали несколько левых аккаунтов для слежки и общения в сети, – продолжал профессор. – Сидящие в офисе также следят по мессенджерам за конспиративными каналами в Телеграме, которые нам выдали сверху. Фиксируем всё! Наши объекты активно общаются по этим каналам. Что касается интервью, двое из вас будут ножками ходить в поле и беседовать с людьми из мечетей, из иммигрантских организаций. Времени мало, отчёт требуют уже через пару недель. Я буду всё обобщать и аккумулировать в финальной версии документа? Предложения?

– Как будем проводить интервью? – спросил я.

– Фокусированное и глубинное. Сценарии интервью прислали из Москвы вместе с инструкциями. В принципе, от нас требуется ноль креатива – просто взять и сделать.

Больше вопросов не было, тогда Резнов своей лёгкой рукой раздал нам полномочия:

– Вот вы вдвоём, – он указал на моих ровесников, – вы в интернете посидите, а вы пойдёте ножками ходить. Договорились? Возражения?

Я был согласен, мне было непринципиально, хотя лучше гулять по городу, чем в офисе торчать.

– Тогда давайте наведём тут порядок, и у меня уже есть задания для вас. В темпе твиста, ребят, в темпе твиста.

Мы нехотя начали складывать коробки, расчищать заваленные проходы и устанавливать на места вещи. В процессе уборки мы и познакомились. Оказалось, что тот, постарше, с пивным животиком, бородкой и в очках, уже давно кандидат наук и защищал кандидатскую по политологии, звали его Лёшей, по крайней мере, он так представился, двое других коллег были менее общительными, они нехотя буркнули свои имена – Валя и Олег. Прошло какое-то время, и я предложил новым коллегам покурить. Как выяснилось, никто из них не курит.

Худо-бедно, но мы навели хоть какое-то подобие порядка. И сразу сели за работу.

Как выяснилось, сидеть мне предстояло недолго. Первой задачей в тот день было провести интервью с главой мечети на острове. Мне самому пришлось искать контакты с имамом – а именно так называют главу мечети. Мало кто знает, что в исламе нет священников и батюшек, как в христианстве, нет церкви как организации – есть только Коран, его толкования и правила этого самого толкования. По сути, сколько в мире имамов, сколько читающих Коран – столько и его толкований. И еще меньше люди знают, что Коран – он только на арабском, все переводы не Коран, ибо ниспослано писание было на арабском.

Я все же нашёл выход на имама – его контакты были в группе мечети в социальной сети. Мы созвонились, я представился журналистом, сказал, что задам пару вопросов по тематике ислама. Он согласился.

Тогда я взял установленный сценарий интервью, вот что в нём было:

Сценарии интервью для пилотного исследования на тему «Радикализация ислама в современной России (на примере исследования в Санкт-Петербурге)»

Выборка: 20 специалистов разных областей: сотрудники МВД отдела по борьбе с терроризмом и экстремизмом, эксперты-политологи, имамы мечети, главы эмигрантских организаций.

Вид интервью: обычное, стандартизованное, по месту работы, мягкое, документальное, индивидуальное, фокусированное.

На основе вторичного анализа данных были выделены следующие факторы радикализмами ислама в современной России:

- 1) Доступ мусульманского населения к экстремистской литературе.

- 2) Недовольство мусульманского населения своим положением в обществе.

3) Недовольство мусульманского населения политикой, проводимой в государстве.

4) Дискриминация мусульманского населения со стороны немусульманского населения.

5) Обособление мусульманских общин от прочих культурных и религиозных групп.

6) Участие мусульман в неформальных, стихийных религиозных объединениях.

7) Увеличение в городах количества приезжих мусульман из прочих регионов (Средней Азии).

8) Увеличение в городах количества приезжих мусульман из прочих регионов (Ближнего Востока).

9) Увеличение в приходах мечетей мусульман из других регионов (Средней Азии).

10) Увеличение в приходах мечетей мусульман из других регионов (Ближнего Востока).

11) Доступность паломничества в Саудовскую Аравию (хадж).

12) Возрастание количества паломников в Саудовскую Аравию.

13) Доступность для мусульманского населения традиционных религиозных текстов.

14) Уровень гуманитарного начального, среднего и высшего образования в России.

15) Отсутствие профилактических, воспитательных мер со стороны государственных структур.

16) Уровень контроля правоохранительными органами за распространением экстремистских материалов в сети интернет.

17) Нестабильная политическая, экономическая, социальная и культурная обстановка в стране.

18) Слабый контроль за границами и последовавшая свобода передвижений.

19) Возможность обучения в зарубежных мусульманских образовательных центрах.

20) Возможность получения финансовой помощи от различных правительственных и неправительственных исламских организаций для ведения благотворительной, образовательной, учебной и политической деятельности.

Ознакомившись с материалами, я отправился в небольшой молельный дом. На улице было ещё прохладно, но сквозь тучи проклёвывалось лёгкое, весеннее солнце. Внизу, у молельного

дома, меня встретил сам имам – старый дагестанец с седой бородой, с ним вместе были несколько его молодых учеников. А со мной, как всегда, мой верный друг – диктофон. Сам разговор получился недолгим и скучным. Было видно, что имам не хочет много говорить и не хочет говорить всего, что может сказать:

– Здравствуйте!

– Саламу-алейкум.

– Можете сказать, вот как вашими прихожанами воспринимается экономическая, политическая и культурная обстановка в стране? – задал я первый вопрос.

– Я не могу и не буду отвечать на этот вопрос.

– Как часто проходят мероприятия совместно с другими культурными или религиозными организациями? Приходят ли батюшки на общие мероприятия, к примеру?

– Понимаю. Не, сюда никто не приходит. Ну, недавно была конференция эта, как её, по... традиционным религиям за сильную Россию, мы там участвовали.

– Ага, а имеют ли современные мусульмане доступ к религиозному образованию за границей?

– Нет, у нас таких организаций нет. Желаящие сами могут уехать, это же не запрещено, сейчас загранпаспорт есть – он уезжает. В Дагестане много ученых, нам не надо никуда уезжать. Если такая необходимость будет, умеренный ислам, где есть. В Сирию не отправляют сейчас, раньше отправляли для повышения квалификации – по арабскому, по грамматике.

– Получают ли они помощь от неправительственных исламских организаций (для ведения благотворительной образовательной, учебной и политической деятельности)?

– Если одобрено правительством, то да, некоторые могут получить стипендию, но не более.

– Доступно ли сейчас паломничество (в Мекку) для простого мусульманина?

– Ну, так там, чтобы въехать, оно доступно, когда загранпаспорт есть, но по деньгам очень трудно, стало дороже для простых мусульман. Оно стало дороже. Ну, тысяч сто пятьдесят – двести... не считая того, что там потратишь.

– И паломников, наверное, всё больше?

– Сам был в хадже в 2010-2011 году, после этого в хадже не был, народу становится больше, там условия создают, чтобы было побольше людей.

– Как бы вы оценили государственную политику в сфере религиозного просвещения мусульман?

– Не знаю, я особенно государственной политикой не занимаюсь. Всё нормально, у нас же не запрещают молиться, любому человеку не запрещают служить Богу, если он не нарушает закон. Ну, конечно, приверженность исламу будет ограничена в многонациональном государстве. Когда много религий, одну религию полностью соблюдать трудно.

– В сфере просвещения немусульман (относительно ислама)?

– Нет. Такой политики нет.

– Существует ли среди мусульман протестно настроенные люди, политические оппозиционеры, недовольные политикой государства?

– Не могу отвечать на такой вопрос. А это по Дагестану, Петербургу или вообще по России?

– По России.

– А, ну в целом по России нет. Все довольны. В Питере нет, в Дагестане есть.

– Как бы вы оценили уровень доступности для мусульман в Петербурге экстремистской литературы?

– Ну доступно, доступность она есть, конечно. Кто ищет, тот находит. Ну места обитания... В основном в интернете. Ну «ВКонтакте» лучше работает, в социальных сетях лучше.

– А к традиционным текстам?

– Не, там... да, очень доступно, простой человек этот, какая ему нужна, какая не нужна, он выбирать не умеет, может потеряться. Если ты нажимаешь кнопку про умеренный ислам, то там может кусок попасться, а он же не ученый, у него нет образования. Поэтому мы всегда говорим, что они должны знания от ученых получать, а не в соцсети, он ведь не ученый и не религиозный представитель.

– Как вам кажется, насколько серьезно государственные органы подходят к контролю информации в интернете?

– Не ограничивают, очень много.

– Как бы вы в целом оценили государственную политику профилактики религиозного экстремизма?

– Это же цензура получается?

– Да, цензура.

– Ну для этой цели надо определить вместе с нами критерии, чтобы можно было действовать. Они же не знают, что можно, что нельзя.

– Как вам кажется, много мусульман посещают неформальные объединения (частные молельни)?

– Частных много, но не каждая неофициальная запретная.
– А много ли в Санкт-Петербург приезжает мусульман из за-
границы, и, если да, то откуда?

– Ну мы же видим. Из Узбекистана, Таджикистана, Киргиз-
стана. Их много.

– А они посещают мечети?

– Да.

– Как вы считаете, в Россию проникает много радикально
настроенных проповедников, носителей радикальных идей?

– Да, бывает временами, и смотря как с законами. Когда
законы ослабевают, они начинают набирать обычных людей, а
когда законы убирают, они появляются. Вообще информация,
религиозная информация, среди молодёжи она отсутствует,
поэтому это всё и случается, сейчас большинство в России на
местах люди, которые хотят занимать места муфтиев, они не
имеют большого образования по религии, а имеют образование
после государственных вузов. Знают русский язык хорошо, но
этот человек должен за что-то уметь отвечать, эти люди долж-
ны делать работу и открывать молельные комнаты официаль-
но, чтобы для мусульман было место, куда приходить, чтобы
они на улице не совершали молитв. Для этого он должен рабо-
тать, конечно же, самое худшее, когда представители религии
искажают свою религию ради того, чтобы эти места не терять,
где они сидят. Они это делают, чтобы себя красиво показать, а
они должны работать. Самое худшее, когда представители ре-
лигии искажают религию. Они это делают для государства, от
них больше ничего не требуется. Мы обязаны соблюдать законы
этой страны, чтобы не было смуты. Чтобы молодежь не сбивали
с пути, их надо образовывать, а не запутать. У нас мало уче-
ников, но всё равно приходят, приходят учиться молитве, когда
есть время один-два раза в неделю, изучают религию. Не зави-
сит от нас, от властей. Я бы хотел, чтобы местные власти шли к
нам на сотрудничество, сделать акцент на женский пол в учеб-
ных заведениях, платок не атрибут, а очень важная часть нашей
веры. Хотелось бы, чтобы был простой диалог. Мы только рады
сотрудничеству.

– Спасибо вам большое!

После интервью мы пожали друг другу руки, и я отправился
в офис, где мне теперь предстояло вбить в компьютер интер-
вью.

Описывать офисную работу, как и офисную жизнь, скучно –
в ней нет никакого драйва, нет приключения. Раньше у ученых

было разнообразие – тебя могли сжечь на костре инквизиции, а могли и не сжечь – интересно же! Могли ограбить бандиты или местный феодал, а могли и не ограбить. Это было хоть каким-то разнообразием, подобием динамики. А сейчас – пустой фарс.

В таком монотонном темпе пошла наша работа, я выбирал эксперта, согласовывал его кандидатуру с Евгением Николаевичем и пытался выйти на контакт, после чего шёл брать интервью.

Надо признать, что Резнов был мной ну очень, от слова «совсем», недоволен. Для полноты картины необходимо сказать, что он был недоволен и Лёшей тоже, ибо разговорить экспертов нам удавалось с той же вероятностью, с какой в центре Москвы могла возникнуть чёрная дыра.

Проблема в том, что в сфере ислама все друг о друге знают, и знают, как иногда бывает опасно сказать что-то не то. Любая информационная сеть, будь то литературная тусовка, или бизнес-сообщество, или культовые служители, – все это единая паутина, которая связана друг с другом прочными ниточками. И если в городе, пусть и пятимиллионном, появляются молельни или ячейки боевиков – все об этом узнают. По слухам, по информации от знакомых и прочее, и прочее.

Но говорить о таком мало кто сейчас может. Насколько я понимал из интервью, к нам резко вернулось множество давно уехавших на Ближний Восток людей, которые прошли там настоящую школу войны, научились подрывному делу, научились вербовке, работе в сети. Когда сеть трясётся вся, когда она заходит в конвульсиях, – трудно что-то вразумительное сказать. Вот все и растеряны.

Но, но есть и те, кто знает, но говорить не хочет, – мусульмане относятся друг к другу не как обычные люди. Обычные могут и предать, сдать ради выгоды, а мусульмане своего единоверца никогда не сдадут, даже если он не прав, даже если он может нанести ущерб. Конечно, есть и те, кто борется с радикализмом. Их – большинство, они ведут настоящую, плодотворную работу – открывают школы при мечетях, закупают учебники по коранистике, обучают ребят, обучают молодёжь. И слава им и почёт. Потому что без них мы бы совсем пропали.

По-другому обстояло дело у наших немногословных коллег – Вали и Олега. В интернете они находили множество групп, закрытых каналов, людей со странными страницами, которые предлагали поделиться знанием про чистый ислам. В общем, эти два парня сделали гораздо больше, чем мы.

– Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

– Амин, – отозвались два десятка мужских голосов.

– Братья мои, – обратился к молящимся Али, который сегодня был вместо имама, – мы с вами здесь работаем и помогаем друг другу, трудимся во имя Всевышнего! Мы здесь с вами. И только мы нужны друг другу. Никто, никто из людей вокруг не протянет вам руки. вспомните, вспомните, братья мои, кто-нибудь из тех, из неверных помогал вам? Что хорошего они сделали каждому из вас?

Мужчины, сидевшие на ковре, потупили глаза, как малые дети.

Али продолжал:

– Абдулла! – он вознёс указательный палец вверх. – Что хорошего они сделали тебе?

– Ничего, – тихо, застенчиво ответил Абдулла.

– Громче, брат, пусть другие слышат!

– Ничего! – сказал Абдулла.

– Громче, чего же ты!

– Ничего!

– Сколько раз ты читал в объявлениях «сдам квартиру лицам славянской внешности»?

– Постоянно.

– Сколько раз ты, брат, слышал эти низкие, эти противные слова «чурки», «хачи»?

– Постоянно, Али, постоянно, даже от прежних хозяев квартиры.

– А работа? Братья, где бы вы были все, если бы мы не помогли вам с работой? Где бы вы сейчас были? А знаете, в чём дело? Этим неверным, им всё равно. Здесь мы люди второго сорта – всего лишь обслуга для них. К нам никогда серьезно не будут относиться из-за наших убеждений, нашей веры в Аллаха! наших молитв, наших обычаев. Когда мы хотим помолиться, когда мы один-единственный раз в году хотим собраться единой мусульманской семьей, чтобы один раз помолиться, один раз вознести жертву Всевышнему, они ненавидят нас, ненавидят наши молитвы, они проклинают их!

Он сделал небольшую паузу, перевёл дух.

– Братья, вы можете слышать, что ислам учит уважать христиан и иудеев. Не слушайте их, гоните их – это лживые проповедники! Они несут смуту, они сеют ложь в ваших душах! Только тот, кто уверовал и подчинился Всевышнему, у которого

нет сотоварищей, только тот – праведен! А что христиане?! Мы можем назвать этих христиан христианами? Нет! Они не христиане, они забыли заповеди Господа! Посмотрите на девушек, как они одеваются. Посмотрите на мужчин, как они ведут себя. Посмотрите, как они относятся к вам, к своим соседям. Мы живём вместе, но они нас даже не замечают. Они заставляют нас жить по их правилам, говорят, что мы живём на их земле. Нет, братья, это они живут на земле Аллаха, и это они должны жить по правилам Его!

Каждое слово, каждая фраза находила отклик у Абдуллы. Он слушал с открытым сердцем и всё больше понимал, что дело не в нём, а в мире вокруг. Не Абдулла неправильный, а люди вокруг, их уклад жизни, их мысли, их поведение – они неправильны.

Можно было сказать, что его жизнь наладилась. Теперь уже точно. Ему помогли устроиться на работу – он был бухгалтером в сети небольших забегаловок с шавермой. Безусловно, не самая лучшая должность, не самая потрясающая карьера, но и это неплохо. Через знакомых ему помогли снять новую квартиру, и он смог навсегда расстаться с этими вечно пьяными, вечно курящими и матерящимися маргиналами, у которых был вынужден арендовать комнату.

Теперь он был свободен – он занимался любимой работой, он жил в своей аккуратной комнате, он отсылал часть денег родителям. Все его мечты осуществились. Все его задумки сбылись. И спасибо за это надо было сказать Али. Именно он и его молельня помогли Абдулле выжить, не ударить в грязь лицом и доказать себе и всему миру, что он может добиваться цели.

Теперь он всё чаще бывал в молельне на намазах, всё чаще Али звал его на проповедь, всё чаще они оставались после молитвы, и кто-нибудь рассказывал про имама Шамиля, про нартов, про братьев, про то, как неверные вторглись на землю ислама и притесняют народ Палестины.

Каждый день Абдулла слышал это прекрасное, милое и тёплое слово «брат».

Всё ещё март

Работа была монотонна и скучна. Любая работа в офисе превращается в сплошной, однообразный танец, ритм которого начинает тебя убивать изнутри. Иногда приходилось оставаться допоздна, перерабатывать. Резнов следил за нами, как надзи-

ратель в тюрьме. И если сначала я ещё мог себя убедить, что делаю нужное дело, то постепенно, со временем, даже такая важная вещь, как изучение экстремизма, становилась неинтересной. Так и с государственной властью – министры в скором времени уже не чувствуют себя рулевыми, а ощущают лишь сплошную рутину. Если бы еще не платили зарплату, то я бы повесился прямо там в офисе на шланге от кулера.

Постепенно счёт дням стал теряться, и они проносились мимо меня, как железнодорожный состав, – ты видишь его очертания, но не видишь мелкие детали. Такую монотонность разбавляет только неординарность происходящего, которая, как и любая неординарность, произрастает из обыденности.

– Лёш, я кружку свою разбил, можно из твоей чаю глотнуть?

– Я бы сейчас не чай глотал, а что покрепче, – отозвался Лёша.

– Звучит как предложение.

– Так это, пора бы.

Я выглянул из-за стопки бумаг на столе, как крот из норы, и посмотрел на Лёшу. Неужто человек предложил выпить?

– Так чего тянуть? – спросил я. – Пойдём сегодня и выпьем!

– А я же говорю! Давно пора!

Мы доработали день.

Мы вытащили на износе очередной день работы, чтобы окунуться в море кутежа и угара, чтобы на пару часов забыть о том, какой цепью мы прикованы к своему офису и как боимся эту цепь потерять. Чтобы упиться насмерть, а утром воскреснуть, словно птица феникс.

Мы вышли на улицу, на ту самую 10-ю линию, когда к городу уже подкрался вечер. Когда ты не знаешь, куда идти в Петербурге пить, то иди на Думскую. В этот филиал ада на Земле. Особенно, когда нельзя остаться на Васильевском острове, нельзя, потому что мосты, прекрасные разводные мосты – проклятье всех забулдыг Петербурга. А Думская, она прекрасна, это то самое место, где ощущается вся брэнность бытия человеческого, где, возможно, Апокалипсис чувствуется лучше, и, что самое главное, так это то, что ты к концу света готов и морально, и физически. Думская – это Мекка современной страны, там можно увидеть все сорта людей. Именно здесь, в этом самом пьяном округе в мире, вы сможете понять, что страшный суд уже свершился, и мы все в аду, а черти здесь, они уже вокруг, они пьют вместе с тобой.

Мы зашли в один из баров с метким названием «Зона Турбулентности», в котором было ещё не так много людей, играла

хорошая музыка из восьмидесятых, а алкоголь, если и разбавляли, то не сильно. На стенах висели фотографии звезд прошлого, столы были липкие. Мы с Лёшей взяли пива.

– Ну и как ты смотришь на нашу работу? – начал я разговор.

Он отпил немного из бокала, пена осталась у него на усах, и он слизнул её языком.

– Я смотрю на это так, что просто власти прогуляли самое важное. Понимаешь, нельзя строить борьбу с терроризмом, терроризмом идейным и с сильным откликом у людей, только на запретах. Ну не выехать на этом. Нужно заниматься строительством нации, единой нации, нужно заниматься строительством государства, а не выезжать на уже готовых советских схемах, которые наши активно используют. Союза, каким бы он хорошим ни был, уже нет почти тридцать лет, а мы всё едем на оставшейся от него платформе. Вот, пример Испании.

Он опять отпил пива, я за ним следом.

– Была ужасная гражданская война, пришёл диктатор, настоящий диктатор. И что сейчас? Они просто перевернули страницу и живут по-новому, радуются жизни, и, могу тебе сказать, неплохо живут. В чём смысл копаться в прошлом, надо строить настоящее, потому что из него растёт будущее! А у нас не так. У нас народу до сих пор важно, были ли варяги на Руси или не были. Ну какая, к черту, разница? Ну вот серьезно? И в этом вся страна! Понимаешь, мы живём в прошлом.

– Да, понимаю, Лёш, знаешь, я видел американцев, видел иностранцев из Европы. Они верят в то, что делают, они делают то, во что верят. А у нас? Люди не верят в свои идеалы, люди не верят в себя, не верят в жизнь, поэтому и не живут.

– Да. Ещё я заметил такую вещь, на Западе люди покупают, чтобы жить по средствам, не все, да, но в большинстве. Есть у тебя деньги – можешь купить большую машину. Нет денег – кайся на дешевой. А у нас машина – самоцель, ты, блин, должен купить себе аквариум, подороже причём, и стоять в нём в пробке. Господи, ведь можно организовать нормальный транспорт общественный, поехать на трамвае – ведь быстрее бы вышло, но нет. «Я лучше всех!»

Он выкрикнул последнюю фразу на весь бар, но продолжал:

– Я включу громкую музыку в машине и буду всем показывать, что я король жизни, хотя на самом деле я работаю ради отпуска.

Мы выпили пива.

– А чем наше положение лучше?

– Мы прекрасно понимаем всю «ущербность» человека. Понимаем, от чего что зависит. Мы – наследники древнегреческих философов, живём в мире идей, остальные живут в мире теней – работа, перепихон, машина, отдых, алкоголь. Всё, больше у них ничего в жизни нет. И это печально. Это пусто. Понимаешь, пусть мы и не такие богатые и влиятельные, но наша магия, наша тайна в том, что для нас-то как раз тайн нет! Вот политик говорит, что он что-то сделает, а мы-то прекрасно знаем, что не сделает, вот какой-нибудь блогер что-то говорит, и ему верят, хотя мы понимаем, что это всего лишь двадцатилетний недоучка. Или кто-нибудь побеждает в конкурсе или просто занимает должность. Но мы-то с тобой знаем.

Он подмигнул, мы чокнулись и допили пиво. И тогда у липкой барной стойки взяли виски. Виски не бывает мало или много, виски всегда кстати.

– А самое обидное, что философы, а я себя считаю философом, нужны только в моменты кризиса, чтобы объяснить людям, что всё-таки происходит, чтобы объяснить всем остальным, как это могло случиться.

– Вот и сейчас мы нужны, как видишь.

Он засмеялся, и я засмеялся.

– Лёш, а как у тебя с отношениями? Женат?

– Да, женат, скоро хотим ребенка делать, когда ты женат, рассказывать получается не особо много, а ты как?

– А я никак. После последних отношений не могу отойти уже год. Недавно познакомился с девушкой, но... дурак я, Лёш.

– А, брось, бывает. Кто из нас не дурак?

А ведь действительно прошёл почти год с того момента, как мы разошлись, и у меня всё никак не получалось найти отношения. То работа, то учеба, то статья, диссертация, дела... Год.

И тут я увидел её. Серьёзно, без шуток, в бар опять вплыл её образ, вплыл сквозь стекло, сквозь толпы пьяных людей на улице, вплыл с противоположной улицы. Её голубые глаза смотрели на меня с афиши соседнего бара. Я, ничего не говоря Лёше, выскочил на улицу и бросился к афише. Оказывается, моя Оля читает стихи и, оказывается, послезавтра её выступление, поздно вечером. Надо, надо быть, надо закончить работу и прибежать к ней, как блудный пёс прибегает домой.

Я вернулся обратно в «Зону Турбулентности».

– Странный ты парень, – сказал мне Лёша.

– Я видел её.

– И лечиться тебе пора.

– Там, – я указал ему пальцем на афишу.

– А, – он обернулся, – это та самая?

– Да.

– Красивая, – он протянул это слово, как будто смаковал его на языке.

– Послезавтра пойду и буду штурмовать эту крепость.

– Ой, все крепости не возьмёшь, но одну можно взять прямо сейчас!

– Какую?

Лёша с улыбкой покачал передо мной бокалом с виски.

– Эту!

Он засмеялся, мы выпили.

– А как тебе семейная жизнь, Лёш?

– Ой, поговорить со мной не о чём?

– Что-то не так?

– Понимаешь, каждый почему-то пытается у меня узнать, как семейная жизнь. Как будто больше у меня за душой нет, как будто я не человек, не личность, а только муж. Понимаешь, в чём дело, почему-то, когда ты не раскрываешь свои отношения, просто романтические отношения, без брака, то всё в порядке, почему-то девушка не ассоциируется с тобой, почему-то девушка не ассоциируется, как часть тебя, а вступая в брак, ты без жены не воспринимаешься. Что обидно, потому что здесь её нет, а я хочу побыть самим собой. Смекаешь?

– Конечно.

– Давай про другое сейчас. Говорить о браке с неженатым человеком – пустое дело.

– Ну ты загнул, конечно.

– Помяни мои слова.

Мы выпили и заказали ещё виски.

– Давай о книгах. Работа, женщины – всё это суета, а вот книги вечны.

– Достоевского любишь?

– Гениален.

– Лаконично.

– А что ещё сказать про человека, который гениален? Про любого талантливого писателя можно долго рассуждать, обсуждать его хорошие и плохие стороны, его сильные и слабые вещи. Про любого умного можно долго говорить, а про гениальность говорить нечего. Она либо есть, либо её нет. Совсем.

– Вот и поговорили, а ты представляешь, раньше он гулял по этим улицам, смотрел на эти же дома, говорил на этом же языке и дышал этим же воздухом.

– Только матерился, сдаётся мне, поменьше.

Я засмеялся. Лёша был уже довольно пьян, и глаза его приобретали выражение глаз котёнка.

– Да, Петербург, Петроград, Ленинград... – пропел он.

– Город-герой во славу Царей и Вождей, – продолжил я.

Мы опять чокнулись:

– За Петербург!

– За Петербург, – крикнул Лёша.

– За Петербург, – крикнул кто-то ещё в баре.

Мы выпили.

– И всё же Петербург, не Москва.

– Ты его чувствуешь.

– А он чувствует тебя, – Лёша навалился над столом своей тучной фигурой, его волосы немного свесились на лоб, – он живой.

– Чего? – удивлённо, с выражением школьника спросил я.

– Петербург – не просто город, он живой. Он умеет думать, говорить, дышать. Я не знаю, как это назвать, понимаешь. Есть Бог, да?

– Да.

– Есть ангелы, так?

– Ангелы, да.

– Михаил, Гавриил там, да?

– Ну предположим.

– И дьявол есть?

– Темнейший, хозяин мира сего.

– Именно!

Лёша ткнул в меня указательным пальцем, а после обвёл им весь бар.

– А ещё есть люди, есть животные, котики, рыбки, паучки, есть совсем низшие, амёбы там, есть машины, деревья, есть города, а есть Петербург – что-то мистическое, живое, огромное и величественное. Мне кажется, что если всё пойдёт прахом, то Петербург останется.

– Неужто тебе Москва не нравится? – с ухмылкой спросил я.

– Нравится, но она мертва! Понимаешь? Я не шибко-то где был в мире по городам, но в Петербурге я был точно, и в Москве. Москва – просто город, а наш... не просто.

– Не просто? – спросил неизвестно откуда возникший человек в чёрном хипстерском балахоне, в чёрных джинсах, лысый. Мужчина с очень хитрыми глазами. На его джинсах болталась цепь. Он улыбался, в его руках красовалось чёрное пиво в бокале на пол-литра.

– Простите, – явно с претензией буркнул Лёша.

– Вы говорите, что этот город – не просто город? А может, он как раз наоборот, обычный городишко, такая промозглая, липкая деревенька, просто люди его так превозносят, как какой-либо древний зиккурат? – спрашивал незнакомец.

– Так, – обратился ко мне Лёша, потирая руки, играя костяшками, – это кто такой?

– Оскар Борисович, – поклонился нам наш гость, – друзья называют Оскур.

– Оскур, значит... Ты всегда бродишь по Думской и ищешь с кем бы поспорить? Так можно и по морде.

– Ну, я тут живу, – улыбнулся Оскур, – это моя вотчина, с вашего позволения.

– На Думской?

– Да, рядышком. Можно сказать, это филиал моей работы.

– Ох, и как это – жить на Думской? – Лёшу понесло, и он уже забыл про свое негативное отношение к гостю.

– Я присяду? – спросил Оскур.

– Да, приземляйся, – пригласил его Лёша.

– И чем вы занимаетесь? Вижу, что умные люди, хотя тут на Думской много таких, – спросил Оскур Борисович, приземлившись рядом с Лёшей.

– Мы учёные, – ответил я, чтобы Лёшу не разодрали изнутри откровения.

– Изучаем исламский радикализм, – добавил Лёша.

– Политологи, небось? – спросил житель Думской.

– Да.

– И что вы думаете о политике? – с демоническим видом спросил чёрный лысый человек, отпивая пиво.

– О какой именно? – уточнил я.

– Вообще обо всей. О природе человеческой, ведь из неё рождается власть, не так ли? Из природы растёт та самая пресловутая воля к власти, – Оскур снова отпил чёрного пива, которое было похоже совсем не на пиво, а на какую-то болотную жижу.

– Это долгий разговор, – ответил я.

– Мало конкретики, – сказал Лёша.

– Конкретика? – блеснул глазами чёрный и, облизав своим тонким змеиным языком губы, продолжил. – Скажите тогда просто – великий вопрос, две философские традиции. Вот хорош человек или плох?

– Хорош, – сразу сказал Лёша.

– И почему же? – казалось, из глаз Оскура лезут ледяные змеи, которые готовы разорвать твою душу в клочья.

– Потому что человек молод, он ещё недалеко ушёл от животных, но мы видим по гениальным умам, по умным людям, что человек может меняться, он может создать нормальное, здоровое общество.

– Где каждый будет, как Кант?

– Почему... как?

Глаза Лёши стали удивленными, и, казалось, он со скоростью молнии протрезвел.

– Как ты понял, что я думаю о Канте?

– Да просто тоже подумал о нём, – со своей тёмной улыбкой ответил Оскар, – выпьем?

Мы чокнулись и выпили.

– Говоришь, может быть хорошим? Ну давай серьезно, ведь большинство умных людей были в своей жизни людьми совсем не идеальными.

– И что ты хочешь сказать?

– То, что все гениальные люди гениальны только из-за того, что вам сказали про их гениальность, заведомо указав на критерий гениальности. Их сделали гениями. Поверь, в наше время есть тысячи умных и способных людей, которые могут написать отличные книги, мелодии, стихи, картины. Но у этих людей нет знакомых, которые бы издали их книги или помогли бы записать клип и протолкнуть его. Пример сидит перед вами. Настоящий гений своего времени, чьи старания и идеи не оценили. Ужасно, да?

– К чему ты клонишь? – спросил Лёша, уже окончательно став серьёзным.

– А к тому, что даже гении, на которых вы ссылаетесь, были глупыми людьми с хорошей фантазией. Люди плохи, они никогда не смогут жить хорошо, без войн, без бедности, без болезней.

– Мне кажется, что не вечность, – ответил я.

– О, а что ты знаешь о вечности? – спросил Оскур, выпивая пиво.

– Я ничего, но я знаю, что люди плохи. Пока. Потому что они не так далеко отделились от животных. Но со временем мы сможем это пережить, стать умнее, воспитать нового человека...

– А у вас будет время? – спросил Оскур.

– В смысле?

– В смысле успеете ли вы поменяться до того, как не вымрете все к чертям? – его глаза пылали пламенем.

– Я думаю, что нет.

– А я уверен, что да. Люди глупы. Вы не можете договориться здесь, в удобных квартирах, в прекрасных условиях, вы готовы убить друг друга ради карьеры, ради денег, ради квартиры, готовы бить до смерти подрезавшего вас человека и проводить в пробках дни, годы своей жизни! Вы просто низки. Говорят, что господь дал вам свободу выбора, но он вложил в вас вселенский хаос, которым вы разрушаете всё, к чему притронетесь. Вы, как раковая опухоль, всё больше и безобразнее. Вы скоро сгинете с лица Земли, потому что вам от себя никуда не уйти. Нет, зло – это не монстры, не скелет на троне, а вы сами. Не дьявол зло, а человек. А я пытался лишь образумить.

Его глаза стали грустными и блестели странным светом.

– И люди вымрут, как я говорил, от самих себя, не от вируса, не от нашествия зомби, а просто из-за самих себя. Вот вы изучаете ислам? Убивать людей во имя Бога, подумайте, разве это не сатанизм?

Пока он говорил, я смотрел мимо его спины на прекрасные синие глаза. Но Оскур заметил:

– Красивая, да.

– Чего?

– Да брось, дружище, ты уже какой раз смотришь на афишу с Олей.

– Ты знаешь, как ее зовут?

– Я не просто знаю, как ее зовут, я Оленьку знаю давно, – он сказал это таким голосом, он сказал это так закатив глаза, он сказал это так, что эхом я услышал лёгкие вздохи, почувствовал пот разгоряченного тела, сказал это так, что я сжал бокал с виски и удерживал себя, чтобы не рассечь ему его наглое лицо, – у неё хорошие стихи. Приходи послушать, она давно в моём арт-клубе.

– Что за клуб?

– Арт-клуб «Гвоздь». Мы собираемся, стихи читаем, пиво пьём, курим. Ладно, господа, мне пора, работа ждёт.

Он встал из-за стола, скорчил из пальцев «козу» и пошёл к выходу из бара.

– Вот это персонаж, – буркнул Лёша, – надо было его стукнуть пару раз.

Из бара мы разъезжались на такси почти под утро. Завтра будет плохо, но это завтра, а сегодня я проезжаю через мост, из окна разглядывая его силуэт – точный, ровный, идеальный, подходящий для любой эпохи и любого человека.

Силуэт огромной недостроенной пирамиды где-то там, далеко.

Здесь и вывески в особом стиле, и специальная плитка, и стилизованные фигуры божеств, сфинксы, скарабеи, змеи, птицы...

Стоп, какая пирамида в Петербурге?

Я просыпаюсь и отрываюсь от стекла. Водитель заезжает в мой двор, сегодня я с ним расплачиваюсь, пусть это сегодня уже за полночь.

И точно так же сегодня, рядом с Думской был Олег Анатольевич Пчелов, который был молод, свеж и энергичен. При деньгах, с хорошей машиной. Однако все его достижения обусловлены одной нескромной вещью, которая была распространена в данной стране в это время. Все успехи Олега, все его деньги, его дорогая машина, квартира были плодом трудов его отца, который в прошлом, в беспокойное время, начал заниматься бизнесом с особой «железной» хваткой. Теперь же Анатолий Пчелов имел вес в обществе, имел несколько фирм, занимающихся ремонтами, являлся совладельцем торговой сети и, помимо этого, получал дивиденды из еще пары дел, о которых Олег не знал, да и знать не особо стремился.

Можно смело сказать, что молодой Пчелов был настоящим человеком своего времени, настоящим эталоном, ибо его не особо заботило, откуда и как приходят к нему деньги, а заботило, наоборот, лишь то, куда эти деньги потратить. Процесс приобретения нового галстука мог занимать в жизни Олега больше места, чем общение с родными. Олег мог часами, сутками искать именно то, что ему хочется, тратить прорву времени и сил на выбор вещи, а, заполучив наконец-то нужное, забыть.

Стоит сказать, что внешне Пчелов-младший был достаточно красив, строен, силен, мускулист. Он практически не работал, та должность, на которую был устроен отцом в своё время, воспринималась Олегом «для галочки», и всё свободное от работы время Олег тратил на себя, в том числе с остервенением посещал спортзал. Олег твёрдо полагал, что в жизни всё решает только грубая сила, посему стремился к увеличению своих бицепсов.

Что касается внутреннего содержания, то Олег являлся первым и единственным ребенком, отчего всю возможную в семье Пчеловых любовь получал только он. Однако, как деревья растут из земли, непременно завися от содержания грунта, так и

дети необходимо воспринимают родителей. Мать Олега Наталья Пчелова, в прошлом подающая надежды выпускница аспирантуры филологического факультета, оставила всё своё, когда вышла за обеспеченного к тому времени Анатолия. Наталья резко изменилась, буквально за месяц она, скромная раньше студентка, живущая с матерью, мечтающая о чистой любви и кандидатской степени, грезившая изучением Бунина и преподаванием, стала любить деньги, гулять, грубить людям и даже ругаться матом. Поначалу её коллеги и знакомые поговаривали, что Наталья даже отупела, получив доступ к до этого незнакомым ей деньгам. Однако, когда Наталья ушла из аспирантуры за месяц до защиты диплома, она разорвала все контакты с прошлой жизнью и приобрела новые, её уровня, где уже никто не мог назвать её тупой, ибо внутренне и по поведению сами являлись такими же, как Наталья.

Про Анатолия Александровича лучше не говорить, потому что описать этого человека можно лишь через его дела, а делал он очень и очень много такого, что описанию не поддаётся, посему скажем только то, что отцом он, в общем нашем понимании этого термина, не был, возлагая все хлопоты о сыне на свою жену. Лишь изредка, когда Олег уже подросток, Анатолий брал его с собой на разного рода мероприятия.

Стоит ли говорить, что ни образования, ни самообразования у молодого Пчелова не было? Олег окончил университет, окончил «без напряжения» на одни пятерки, что было, как и всё в жизни Пчелова, заслугой отца, чьим другом был ректор данного учебного заведения.

И если думы обычных отличников вузов занимали, по обыкновению, мысли «что же такое человек?», «что дальше?», «какие силы движут миром?», «быть или не быть?», «а судьи кто?», то к ряду этих риторических вопросов Олег мог смело добавить парочку своих, вполне конкретных и практических, а именно «где выпить?», «как затащить вон ту в постель?», «какого цвета надеть рубашку?»

В заключение этого описания, без которого, увы, дальнейшего будет представляться в другом свете, стоит сказать тем, кто не прочёл среди строк самого главного: Олег Анатольевич Пчелов был беззаботным, разбалованным ублюдком, имевшим очень много и хотевшим ещё большего (как, впрочем, все молодые люди из этой среды).

События нашего рассказа произошли в один день, буквально за пару часов.

Началось все с того, что Олег вместе со своими друзьями (дабы сэкономить время, скажем лишь, что друзья его были такими же, как Олег) отправился в клуб, чтобы «потусить и оторваться». Клуб был дорогой, один из тех дорогих клубов, дающих богатым развлечение, а небогатым короткое чувство красивой жизни. Возле клуба стояли дорогие машины, в самом клубе играла колючая, тяжёлая музыка, бродили дорого одетые стайки «мажоров» и жиденькие компании простых людей. Девушки из богатых были одеты потрясающе, чем вызывали у мужской половины желание, а у женской зависть.

Олег вёл себя как всегда – он пил, пил много, шутил над своим окружением, позволяя себе отпускать даже страшно обидное. Рядом с ним вилась молодая, в обтягивающем платье, накрашенная девушка на высоких каблуках.

Постепенно компания надралась, и «тусовка» подходила к концу, шумная свора высыпала на парковку к дорогим машинам. Олег машинально сунул в зубы сигарету и закурил. Убирая зажигалку, он случайно наткнулся взглядом на проходящую мимо девушку. Она была очень мила, стройна, её белокурые волосы аккуратно убраны в пучок, одета она была просто, но со вкусом, а вслед за ней тянулся легкий шлейф недорогих духов. Ничто бы не выделяло это девушку из числа других «простолюдинок», если бы не её глаза, которые примагнитили внимание Пчелова к себе настолько, что он даже выронил изо рта сигарету. Олег мигом забыл о девушке на высоких каблуках из клуба. У него в голове перещёлкнуло, как перещёлкивало, когда он видел красивый свитер, дизайнерские брюки, новый автомобиль. Перещёлкнуло, он бросился за ней и уже через мгновение догнал.

– Девушка, какое вино вы предпочитаете? – спросил Олег.

– Извините, я опаздываю. – испуганно ответила девушка и ускорила шаг.

Одним движением Олег перегородил ей дорогу.

– Куда спешите? Может, покурим кальян, выпьем вина, тут рядом отличное место есть, – Олег расплылся в максимально располагающей к себе улыбке. Он знал, что хороший кальян на шампанском и вине – это лучшее средство для того, чтобы девушка забылась.

– От тебя несет алкоголем, пусти меня! – девушка повысила голос.

Такого Пчелов не ожидал, обычно с самого первого раза девушки сами намекали ему. Тех, которых он хотел, брал разными другими способами, с помощью кальяна, вина, деньгами,

подарками, а теперь эта замухрышка, эта девка с дешёвыми духами так неуважительно отказывает ему, кричит на него. Олег покраснел, схватил её за запястье:

– Пойдём, – сухо выдавил он из себя.

– Пусти меня! – кричала девушка, вокруг начал собираться народ. Двое незнакомых парней быстро шли к ним издалека, покрикивая «Ты что делаешь, э?!»

– Поехали! – крикнул Олег, и в этот момент девушка отвесила ему пощечину. Несильно, скорее для приличия, нежели для серьёзного результата. Ярость, гнев и сумасшествие мигом вспыхнули в Пчелове. Он затрясся, сильнее сжал девичье запястье и с размаху ударил девушку в лицо. Ударил неказисто, ударил неправильно, ибо никогда в жизни не дрался и бить не умел. Любой человек, знакомый с единоборствами, тут же увидел бы полное отсутствие любой техники в ударе Олега, но и этого хватило.

Девушка упала на асфальт, ударившись головой о поребрик. Из-под белых волос тонкой стружкой текла тёмная кровь, а глаза закатились. Люди, собравшиеся вокруг, застыли, уставившись на неподвижное тело.

Раньше всех опомнился Пчелов и рванулся сквозь толпу, расталкивая зевак. Он молнией добежал до машины, вытащил оттуда накрашенную девушку на высоких каблуках и один поехал подальше от этого проклятого клуба.

Пчелов сначала хотел ехать домой, но потом решил, что там его найдут быстрее всего. Чувства гнева, ярости и сумасшествия сменились в нём, увы, не угрызениями совести, а лишь страхом, какой бывает у нашкодивших малышей, которые боятся, что их скоро накажут. А наказания Олег боялся, потому что его ни разу не наказывали, не ограничивали ни в чём, даже не кричали на него. И тут в мироощущении Олега появился новый, не похожий ни на что субъект, с которым он никогда не сталкивался ранее, – ответственность. И ответственность самая высокая.

Пчелов ехал далеко за город, на дачу, игнорируя скоростной режим. Один раз его остановил патрульный ДПС, но Олег молча протянул лейтенанту двадцать тысяч и также молча уехал.

Было уже поздно, когда фары автомобиля облизнули высокий забор дачи младшего Пчелова. В соседнем дворе залаяла собака, а Олег, не заглушив машину стремглав ринулся внутрь дома, зажигая попутно свет.

И вот он сидит в гостиной дачи перед не горящим камином и нервно курит. Только здесь он начал трезво, насколько мог,

обдумывать ситуацию. И после нескольких умозаключений Олег решил, что девушка сама виновата, девушка первая начала, а он, он всего лишь хотел, как и всегда. Что папа «отмажет», «даст на лапу» нужным людям, но самого главного Олег не мог понять, не мог понять, почему это его желание на сей раз осталось неудовлетворенным.

Телефон зазвонил – это был отец. Олег сбросил, он не хотел сейчас ни с кем говорить, пытался закрыться от проблем, как будто они обойдут его стороной. Телефон зазвонил еще раз, Пчелов выключил и швырнул его подальше, достал из бара бутылку и отхлебнул. Алкоголь придал уверенности Олегу – точно, папа «отмажет», только пусть остынет немного. Олег отхлебнул ещё, ещё и ещё. Он пил около получаса, пока не опустошил бутылку, и тогда его уверенность сменилась ужасом.

– А что, если не отмажет, если не получится? – задал сам себе вопрос Олег. – Вдруг они уже рядом, вдруг они уже почти нашли меня?

Пчелов, покачиваясь, добрёл до сейфа со старым отцовским охотничьим ружьем, зарядил его и сел на диван, готовясь отбить любую атаку на себя. Так он и уснул.

В это время Наталья Пчелова узнала о случившемся от мужа, тот, в свою очередь, узнал от знакомого из МВД, которого он всеми правдами и неправдами упросил пока «притормозить». Какой бы плохой матерью она ни слыла, но госпожа Пчелова всё же была женщиной. Она пыталась позвонить сыну, но когда убедилась в бесполезности этого, попросила Анатолия узнать, в своей квартире ли сын. В квартире Олега не было, поэтому Наталья отправилась на дачу, чтобы поговорить с ним, пока он не наделал ещё глупостей.

Она приехала почти под утро, когда осеннее ещё тёплое солнце начинало подниматься из-за горизонта, и звёзды потихоньку пропадали с чёрного неба. Наталья аккуратно открыла двери своим ключом. Заходя в дом, Пчелова выронила сумку из рук, и та, упав, грохотнула содержимым.

Олег мигом проснулся. Он и так неважно спал, во-первых, потому что сидел, во-вторых, потому что изнутри его раздирали кошмары. И даже алкоголь не мог придать более-менее спокойный сон.

Пчелов проснулся, увидел кого-то входившего в дом и тут же приподнял ружье и нажал на крючок. Грохотнул выстрел, Наталью отдачей вынесло на улицу и опрокинуло на холодную землю. Олег же неспешно склонился над изуродованным телом, так и не понимая, что вообще происходит.

Глядя на безжизненные глаза матери, на разбитую дробью грудную клетку, Олег начал осознавать, осознавать, но не принимать того, что он натворил. Что-то было общее в теле Натальи и в теле той безымянной девушки, какая-то одна боль, один невыразительный взгляд.

Он просто молча вышел во двор. У соседей всё ещё лаяла собака, соседи зажгли свет. Теперь он окончательно протрезвел и проснулся. В сердце младшего Пчелова зашевелилось что-то вроде совести, что-то напоминающее её своими очертаниями, нечто, что можно назвать «протосовесть». Пускай Олег был бесчувственным негодяем, но всё же он был человеком, и, как и любой человек, он любил мать, пусть даже никогда этого не понимал.

Ещё одно новое, непонятное нахлынуло на Олега, помимо ответственности, за эту ночь он узнал ещё и совесть. И теперь всё внутри Пчелова жгло, горело, плакало и разрывалось на части. Как ребёнок в начале жизненного пути знакомится со спектром человеческих чувств, так Пчелов проникался ими сейчас. Однако чернота всё равно сидела внутри Олега, и между сожалением и раскаянием втиснулась одна простая мысль: «Папа не отмажет».

Действительно, теперь папа не «отмажет», папа будет в ярости, папа не даст денег – эти мысли враз сменили раскаяние и «протосовесть». А что делать без денег? Работать? Да и какая работа, если его теперь точно посадят, посадят надолго, а в тюрьме, насколько знал Олег, нет ни машин, ни одежды, ни уж тем более девушек. Олег лишился всего – матери, отца, денег, свободы, а впереди зияла решетками перспектива оказаться в тюрьме.

«Закончить сейчас так, нежели жить не как раньше», – холодно подумал Пчелов, развернул двустволку на себя и, вытянув сильно вперед правую руку, нажал на оба курка одновременно.

Второй выстрел, унесший жизнь наследника Пчелова, окончательно разбудил всех соседей. Зажгли свет. Грозно лаяла соседская собака. Светало.

Девушка, которую ударил Пчелов, выжила и сравнительно быстро отошла от столь тяжёлой травмы, не имея для себя никаких последствий. Всё это время от неё не отходил её молодой человек. Не отходил ни на минуту. Через некоторое время они поженились. Девушку, к слову, звали Надя.

Пчелов-старший не успел похоронить сына и жену, как на него «нарыли» дело и посадили на 10 лет.

На Южном кладбище и сейчас можно найти могилу Олега Анатольевича Пчелова, фотографии на камне нет, да и сама могила не ухожена и грязна.

И всё это было сегодня, параллельно с тем, как мы с Лёшей пили в баре, параллельно с тем, как мы разъезжались по домам.

НАСТОЯЩЕЕ

Конец марта

Я люблю свою страну, а вот государство не очень. Надо признать, такой я человек. Чего стоит мое политологическое образование? Ну не может человек, разбирающийся в политике, пусть и не досконально, но самую малость, любить эту самую политику. Как в глистологии. Человек, изучающий глистов, не может их любить. Когда у политолога спрашивают про политику, хочется перефразировать знаменитый анекдот: «Пишу о политике, читаю о политике, занимаюсь политикой, ненавижу политику».

Так вот, страну с её полями, морями, красавицами, гением Достоевского и Толстого я люблю, а вот почту, РЖД и прочее не особо. Кто-то называет государство левиафаном, который может съесть, кто-то отождествляет с дедом морозом, который может подарить подарки. Для кого-то это дед левиафан, который и съесть может, и подарки подарить. Для меня же РЖД – хорошая метафора государства, ведь государство – в первую очередь машина. Железная, мощная, тяжёлая и неповоротливая машина, эдакая утыканная дымящимися трубами огромная титановая ракушка на гусеницах, которая может раздавить человека, может сотню, может тысячи, но, скорее всего, не специально. Скорее всего, эта самая ракушка просто не увидела маленьких людишек где-то там внизу – ужасно, но не злобно. Есть большая разница в том, чтобы сделать что-то отвратительное со злобой и сделать что-то отвратительное безэмоционально, просто по случаю, потому что так карты легли.

Государство – абсолютно обезличено, оно не испытывает чувств, но если схватит тебя своей железной лапой, то ты, крошечный, жалкий, маленький человечек, не уйдешь.

В тот день государство схватило меня абсолютно неожиданно. Эта титановая машина просочилась ко мне сквозь трубку

телефона, надел лицо моего товарища на свои металлические щупальца.

Я ехал на работу с чудовищного похмелья, ужасно не выспавшийся и дико хотел курить. На финишной прямой, на станции «Маяковская», мне позвонил Паша.

– Привет, я в метро.

– Привет, можешь в офис заехать?

– Мне на работу надо, – голосом умирающего жука-навозника ответил я.

– Я тебя у Резнова отпрошу. Заедь на пару секунд. Ок?

Он сбросил. Когда человек облачен властью и авторитетом, он может не дожидаться ответа на свой вопрос. Да и не вопрос это вообще, а прямой приказ. Увы, приказы ценятся, только когда они исполняются. Я поехал к офису самого, свет его дому, Павла Михайловича.

Меня снова встретила секретарша и провела в кабинет. Внутри вместе с Пашей сидел среднего роста светловолосый и голубоглазый молодой человек в свитере. Они пили чай и о чём-то беседовали.

– О, какие люди! – наиграно поприветствовал меня Паша и протянул мне свою властную клешню.

– И вам не на одну зарплату жить, – ответил я, пожимая ему руку.

– Это Евгений Андреевич, – указал мне на своего собеседника Паша.

– Можно просто Женя, – Андреевич протянул мне свою руку. Мы поздоровались.

Я сел.

Повисла неудобная тишина. Паша и Женя странно перемигивались.

– В общем... – неловко начал Паша, – друг мой... Есть к тебе некоторое... дело.

Паша говорил отрывисто и неровно, обрывочно и скомкано, как будто хотел сообщить мне плохую новость.

– Да, – бойко подхватил его Женя, – насколько я понял, ты занимаешься экстремизмом?

– Чего? – протянул я, не до конца поняв суть вопроса.

– В смысле изучаешь, работаешь сейчас по нему.

– Есть такое, – протянул я.

– Вооот, – тягуче, как будто успокаивая маленького ребёнка, сказал Евгений, – мне с тобой нужно кое о чём поговорить.

– О чём же? – с нервинкой в голосе ответил я.

– Вот смотри, мы с тобой познакомились – я знаю, кто ты, Павел рассказал, а я – сотрудник МВД. Оперуполномоченный.

– И?

– Ты вот занимаешься исламом. Изучаешь его, читаешь, разбираешься, в проекте работаешь. А у меня не всегда есть время быть везде – и там, и там. Мне нужны глаза и уши, мне нужна помощь, чтобы, конечно же, выполнять свою работу.

– А зачем тут я?

– Кхм, – оригинально вмешался в разговор Паша, – задача простая, просто рассказывай всё, что происходит, Евгению Андреевичу.

– Это ты сейчас так шутишь? – спросил я у Паши.

– Нет, не шучу.

– Послушай, – снова подал голос оперуполномоченный, – ваш проект очень важен. Я не прошу тебя рассказывать мне о людях, которые там работают, об их идеологии, политических воззрениях, нарушениях. Даже если вы там деньги пилите, то пилите на здоровье. Мне важно, чтобы ты мне докладывал о том, что происходит, – что говорят вам настоятели и политологи. Где и какую молельню вы нашли. Вот это всё – рассказывай просто. Можешь через телефон, я тебе его выдам. Можешь через Пашу.

Голос у него, надо признать, очень успокаивающий, убаюкивающий даже.

– А зачем мне это? – спросил я.

– Потому что я тебя в проект позвал, – сразу же ответил Павел Михайлович.

Господи боже, какая глубокая разница между Пашей и Павлом Михайловичем в одном этом человеке? Как же власть меняет людей!

– Считаю это приложением к работе, – продолжил Павел.

– Я так понимаю, что выбора у меня нет? – не сдавался во мне непреклонный бунтарь.

– Неа, – хором ответили левиафаны.

Я грустно качнул, даже не кивнул, а именно опрокинул и потом запрокинул голову с видом поэтически-обречённым.

Евгений достал бумаги из своего портфеля, взял бумажную папку, написал на обложке что-то, потом спросил моё имя, отчество, рост, дату рождения и всё-всё-всё, что интересно знать государству о тебе, маленьком, крошечном человечке.

Когда ручка перестала марать бумагу, Евгений протянул мне какой-то лист.

– Подпиши теперь, что ты ознакомлен и никому, никому об этом не расскажешь.

Я подписал.

– Отлично, – с выражением чисто дьявольским, с выражением приобретения новой души в свою копилку Евгений Андреевич смотрел на этот листок с моими каракулями.

И в тот же момент, в тот самый момент, как я подписал, он поменялся, стал совершенно другим, не похожим на себя мгновенье назад, даже голос его стал потусторонним, тёмным.

– А теперь смотри, вот тебе первая вводная. Ты, когда услышишь что-нибудь, – мне сразу скажи. Тут же. Я должен знать по максимуму – от того, где какая ячейка открыта, до того, кто, что и где сказал. И запомни, мне нужна конкретика. Все домыслы, все представления и неточности оставь при себе. Мне нужна конкретика. Ещё раз! Точная, как автомат Калашникова, и чистая, как этиловый спирт. Понял?

– Ну вроде да, – ответил я.

– Молодец, – ответил мне Евгений, а потом обратился к Паше, – честь имею, спасибо тебе, будь здоров!

Они пожали руки. Евгений ушел.

– Паша, это что за ерунда сейчас была?

– Ну а что ты хочешь? Проект какой-то из Москвы, вынюхиваете здесь что-то, исследуете. Местным тоже интересно – их же участок.

– Паша, ты же сам этот проект тут делаешь!

– Ну как, – он ехидно улыбнулся, – не скажи, я всего лишь подсказал людям что, где, когда. Я тут не при делах. А потом – и вашим, и нашим.

– Падла ты, Паша.

– Не обессудь, политика – дело тонкое.

– Продажное скорее, – сказал я.

– Если ты не продаёшься, то тебя и не купят. Тут без ноток проституции – никуда.

– Я смотрю, у тебя тут целая композиция, симфония.

– Не выделывайся давай, а! Делами бы занимался – сам бы в кресле сидел да на машине чёрной ездил, а тут развёл, понимаешь, моральные устои. Деньги надо делать, дела делать – некогда об устоях думать. Ты вообще спасибо мне должен сказать.

– Я-то думал, мы как минимум товарищи.

– В товариществе важна взаимовыгода. Нафиг ты мне сдался такой красивый и умный, когда ты пользы мне не принесёшь?

Я молча вышел из кабинета, потом на улицу и закурил.

Вот и приходится жить маленькому человеку – ты вынужден, обязан на них работать, делать то, что им нравится, потому что они над тобой полностью властны, и власть их безгранична.

Вот так, маленький я сижу в офисе, бегаю по улицам и ищу людей, связанных с исламом, чтобы что? Чтобы сделать мир лучше? Нет, я просто делаю деньги, свои крохотные, небольшие, скромные, аккуратные, мизерные денежки. И этот процесс вовлечён, в свою очередь, в большой процесс делания денег там, наверху.

Иногда кажется, что весь мир – это денежная река, где есть огромные транснациональные течения и крошечные, лёгкие пятнадцатирублёвые ряби. По волнам плещутся огромные акулы, бегемоты в окружении бегемотиков и акулят, а почти на дне ютятся скаты и сомы.

И самое обидное, что здесь, в офисе, я не работаю на благо страны, я работаю за деньги, потому-то ничего другого не умею. И Паша работает за деньги, и Евгений Андреевич тоже в первую очередь за деньги, а не за идею.

После этого день работы пронёсся незаметно, и я вернулся домой чуть раньше, чем обычно.

По привычке зашёл в магазин, купил домой всякой снеди. Безумно грустно возвращаться домой, когда тебя никто не ждёт. Только завтра вечером меня ждёт она, её стихи, бар на Думской. Это успокаивает, только надо передохнуть и выпить чаю. Чай всё делает лучше. Я поставил чайник, включил компьютер, посмотрел новости. Когда чайник вскипел, залил кипятком заварку. Пошёл на балкон курить.

Когда ты куришь, в голове пролетает множество мыслей, какие-то отголоски бессознательного, отголоски чего-то ещё неосознанного, непонятого тобой на уровне осмысленного.

«Из нашего офиса вышел бы неплохой комитет где-нибудь в госструктуре», – подумал я, а следом проскочило: «Хах, комитет по связям с божественностью».

Эта мысль пролетела и осталась фоном.

Через пару дней мне позвонит Евгений Андреевич, попросит встречи, где передаст служебный телефон для экстренной связи с ним.

И понесётся долгая череда расспросов каждый вечер по телефону о том, что происходит в офисе и что мы нашли, как кто работает и где находятся неофициальные общины. Понятное дело, что сказать что-то вразумительное я не смогу, да и не буду пытаться. А Евгений Андреевич, настаивая, будет кричать на меня с той стороны провода.

Но всё это будет, а я ложился спать и думал о синих глазах.

В этот день Абдулла, как обычно, пришёл на молитву. В этот день он очень устал на работе, а к вечеру его ещё и продуло в метро – было не закрыто окошко в вагоне. Абдулла практически валился с ног, но всё-таки пришёл на молитву и мужественно выдержал её. После все стали пить чай и разговаривать. Абдулла подошёл к Али, который оживлённо что-то рассказывал двум братьям, и скромно спросил:

– Мне плоховато, можно я прилягу здесь, отдохну?

– Конечно, комната свободна, там кровать чистая. Ложись, поспи, я тебя разбужу, если что.

Абдулла еще никогда не был в той загадочной комнате, откуда в первый день его пребывания вышел загадочный араб. Комната была небольшой, по обеим сторонам стояли шкафы с вещами, на полу валялись чемоданы с вещами, лежали стопками книги на арабском, на английском, на русском, брошюры. Возле кровати высилась тумбочка, в верхнем ящике которой лежали пять телефонов – самых разных телефонов – смартфонов и просто старых кнопочных. Абдулла не обратил на это внимание и лёг спать.

Ему снилось, как он лежит на морском берегу. Хоть он и не был ни разу на настоящем тёплом море, но чувства были очень сильны. Над Абдуллой проносились чайки, шумел вдалеке прибой, слышался шум южных деревьев на ветру. А сверху, так далеко, светило столь знакомое и тёплое солнце. Солнце становилось всё ближе и ближе, его аккуратный, родной, почти материнский жар согревал Абдуллу и успокаивал. Всё ближе и ближе, всё ярче и ярче, как вдруг солнце уронило чашки и сказало с сильно выраженным восточным акцентом:

– А первых когда отправляем?

Абдулла сел на кровати.

– Мало людей пока, смысла отправлять не вижу. Новичков много, но с ними работать надо ещё долго. Тот же Абдулла, пока ещё рано. Месяц, два, – донёсся из-за двери знакомый голос.

– А тут кого оставим? – опять спросил голос с акцентом.

– Тут не бойся, тут я со своими людьми останусь, к нам же скоро Абдурахман вернётся из халифата, так что люди тут будут. Новичков здесь оставлять опасно, как раз до начала их всех сошлём подальше.

– А на арабском, может, поговорим, мало ли, соседи.

– Я твой арабский не понимаю. Я в сирийской школе учился, а ты в египетской.

– Ну смотри. Значит вот.

Послышалось шуршание карты.

Голос с акцентом продолжил:

– Вот, Загид оставил здесь людей, там рядом нет, никто не увидит.

– Я с Загидом уже говорил.

– Отлично.

– Только скажи ему при встрече, что мне еще одна машина нужна, если мы выезд блокируем, то мне всех не увезти.

– Скажу.

– Ила-ль-лика.

– Бесмелляхи!

По коридору послышались шаги. Шаги задержались в коридоре, чтобы надеть обувь, а потом открылась и закрылась дверь.

Абдулла протёр глаза. Что это было, и что они обсуждали? Где-то внутри, где-то в самом отдаленном уголке мозга у него родилось сомнение, но оно не могло оформиться, не могло встать на ноги. В сомнение зубами вцепилось такое тёплое, как солнце, слово «брат».

* * *

Весь день я был как на иголках. Весь день я ждал с ней встречи, ждал, чтобы просто её увидеть, хотя бы еще раз вживую. А когда ты думаешь о девушке, но при этом надо работать, не получается абсолютно ничего. Так и моё интервью с главой ассоциации мигрантов Узбекистана провалилось, сначала я забыл включить микрофон, хотя интервью беру у людей уже лет пять, потом стал задавать вопросы с идиотской формулировкой, а ведь лист был прямо передо мной, потом ещё начал заикаться.

Вернувшись в офис ни с чем, я готов был выть волком. Потом рассказал об этой дурацкой ситуации Лёше, и он вошёл в положение, сказал, чтобы я ничего больше не портил и набирал его интервью, а он сам пойдёт и побеседует.

И так прошёл рабочий день.

Строчка за строчкой, слово за словом. Слушаешь запись, а пальцы бегут по клавиатуре.

Как тень.

Я направился на Думскую, в тот самый бар, где скоро обладательница синих глаз будет читать свои стихи. Назло пошёл дождь, настоящий ливень с грозой, что редкость для Петербурга.

И под этим дождем Думская, казалось, сегодня расцвела всеми возможными утехами, оттенками греха, разврата, алкогольного опьянения и сигаретного дыма. Лил дождь, но людей

было очень много. На полпути к бару ко мне обратился одноглазый воняющий бездомный:

– Молодой человек, подайте основателю панк-движения в России и учителю Егора Летова.

Я прошёл мимо. Мне казалось, что я герой фильма «Бегущий по лезвию», потому что ночной Петербург наводит именно такие впечатления.

У самого бара под протекающим навесом стояла компания хипстеров в бесформенных одеждах и девочки – одна в чулках и шляпе, другая в мини-юбке. Видно, что детей они не хотят, – чулки и мини-юбка в конце марта в Петербурге. Весна хоть и тёплая, но рано так еще одеваться.

А я в своём плаще, рубашке и кепке-уточке совсем выбиваюсь из общего стиля.

Я прохожу мимо этих островков безумия и берусь за ручку двери, выполненную в виде рогатой головы, дёргаю на себя.

Первый круг пошёл, оказывается, бар на втором этаже, а на первом – лишь «прихожая», в которой накурено, ходят непонятные обезображенные люди, люди с пирсингом, татуировками, кто-то курит сигареты, кто-то курит вейп, все затянуто дымом, паром, кто-то матерится.

Сквозь мат и дым я вижу лестницу и взбираюсь по ней.

Пошёл круг второй, здесь играет музыка, так громко, что я не слышу собственного голоса. Охранник – здоровый, лысый мужчина, похожий на смесь слона с дешёвым порноактером, – пытается сказать мне, что здесь за вход надо платить двести рублей, что я и делаю, захожу внутрь.

Круг третий, здесь музыка кричит ещё громче, за барной стойкой бородатый, худощавый парень в очках и панамке разливает алкоголь, всё занято, все места забиты девочками самых разных мастей и оттенков и такими же мальчиками. Барная стойка, справа от входа – сцена с софитами, микрофоном, рядом со сценой небольшая каморка.

Я беру себе пива и жду.

Круг четвёртый. Постепенно бар наполняется больше, вот здесь маячит татуированный, похожий на орка человек в кепке с плоским козырьком, вот проплывает худой крысopodobный молодой человек с зализанными волосами, а вот девушка с дредами и кольцом в носу. Всё это в красном свете лампы и дикой музыке.

Которая затихает. Музыка затихает. Успокаивается.

Из каморки появляется Оскур, он одет всё так же, в чёрное. Выходит на сцену и, постучав по микрофону, наклонившись к нему и раскинув руки, кричит:

– Здравствуйте, дамы и господа, девочки и мальчики, тётки и дяди! Рад приветствовать вас сегодня здесь на нашем собрании Арт-клуба «Гвоздь»! И на сольном концерте Ольги Подстаковской!

Зал начинает аплодировать. Доносятся крики, визги.

Круг пятый.

Сначала сам Оскур читает какое-то стихотворение, а потом приглашает на сцену Олю. Свет выключается, кроме пары ламп под потолком. В этом полумраке я не вижу своё пиво, а на сцену из той же каморки выходит Оля.

И в этот момент моё сердце замирает.

Она прекрасна, её глаза всё также напоминают самое синее море, её стан все также пленит. Платье на ней абсолютно идеально. Она встаёт возле микрофона, смотря в пол.

Так продолжается несколько секунд, пока Оля не вскидывает голову и не начинает своим голосом с прекрасно выверенным выражением читать стихи.

*Окно открыто, белый лунный свет
Разбил стекло и нагло рвётся внутрь.
На улице прошло так много лет,
Но все по-прежнему...*

Зал аплодирует. Я аплодирую, а Оля продолжает читать.

*В грязной больничной палате
Не спится...*

И мы аплодируем опять. Я смотрю на неё из своего тёмного угла, забитый, заваленный людьми, такими чужими мне, а она и не видит меня со сцены.

Оля читала почти час, с перерывом на музыкальную паузу, когда на сцене спели пару песен. Пел и играл Оскур, голос у него был дьявольски хорош, это стоит признать.

А после того, как Оля прочла и села возле сцены, Оскур опять появился на сцене и объявил открытый микрофон.

К микрофону выходят те самые оркоподобные и крысоподобные личности, которых я видел еще раньше, на четвертом круге, они читают свои стихи, которые больше похожи на какую-то дрянь.

И когда уже почти никого не осталось, когда вечер хотели заканчивать, что-то внутри, что-то светлое толкнуло меня на сцену.

И я пошёл.

И я встал на сцене, под светом ламп мне не было видно лица Оли, не было видно лица Оскура и зрителей. Я смотрел в черноту, но туда, где должна была сидеть Она.

Будь я героем фильма, то надо было включать самую берущую за сердце музыку.

Я давно не читал стихов, давно не писал. Одна ошибка, одна неправильная фраза, заикание, кашель – и я провалился.

Круг шестой начался.

– Аутодафе, – специально с затуханием произношу я, а потом: – Посвящается Ольге.

И, выдержав паузу, начинаю тихо, с возрастанием, читать, играя голосом, интонацией:

*Я думал написать тебе письмо –
Я дважды просыпался этой ночью...*

Я заканчиваю, смотря в глаза, как мне кажется, Оле. Зал молчит, тогда я читаю следующее:

*Тебя хоронят в ноябре
Холодным, кашляющим утром...*

И тогда зал взрывается аплодисментами, свет опять возвращается на прежнее место, в его лучах я вижу удивлённую, расстроганную и плачущую Ольгу, а также дико недовольного Оскура, который стоит рядом с ней, сложив руки на груди.

Я схожу со сцены и направляюсь к Оле, она в растерянности, она смотрит на меня, как кролик на удава. Тогда я, как игрушку, беру её в руки, почти отрываю от стула, обнимаю и целую.

Зал снова ликует.

А мы целуемся.

И когда после этой вечности, после нашего поцелуя, после этой искры, мы отрываемся друг от друга, я с дурацкой улыбкой спрашиваю ее:

– Ты меня узнала?

– Ты меня нашёл, – она улыбается.

– А я мог поступить по-другому?

– Просто поцелуй меня ещё раз, умник.

Мы опять целуемся, краем глаза я вижу, как недовольно смотрит на меня Оскур, как раскалённые угли вырываются из его глаз.

Оля сажает меня рядом с собой, бородатый бармен подносит нам виски за счёт заведения, мы выпиваем, я шучу, она смеётся. Можно долго, можно очень долго описывать, как влюблённым людям хорошо друг с другом, можно бесконечно рас-

сказывать, как они не замечают целую планету вокруг себя, не говоря уже о других людях.

Поэтому я не буду. Нам просто было хорошо. Просто поверьте. Всё стало неважно, все люди вокруг просто растворились. И мы говорили, говорили и говорили...

Под утро двери бара открылись, выпустив нас наружу, на пепелище сгоревшей барной Думской, на её теплые угольки. Мы шли к машине, мы неслись сквозь город, чтобы соединиться. Чтобы стать одним целым в полной, конечной мере. Чтобы две разделенные половинки стали снова одной частью.

А потом было утро.

Я проснулся рядом с ней. И долго смотрел на её синие глаза, на её нежные, невинное и такое спокойное лицо, белую кожу, на её тело, аккуратно устланное одеялом.

А после ко мне пришло осознание, я вскочил около десяти и бешено набрал Егора Николаевича:

– Да, что случилось? – отозвался его старческий голос с той стороны трубки.

– Егор Николаевич, я опаздываю, скоро буду.

– Сегодня воскресенье.

– Да?.. – не понимая до конца смысла сказанной мне фразы, промямлил я.

– Да, не занимайся ерундой.

От моего недолгого разговора Оля проснулась.

– Чего ты? – с улыбкой спросила закутанная в одеяло синеглазая гусеничка.

– Я потерял счёт дням.

– Дурачочек ты мой, – она потянулась ко мне своими нежными руками.

Мы лежали, обнявшись.

– Как ты хочешь провести день? – спросил я.

– Вот так.

– В кровати?

– Да, с тобой. Мне всё равно где, только бы с тобой.

– Я тебя нашёл, – я провёл руками по её пшеничным волосам.

– Я ждала. После того раза во мне что-то поменялось. Как ты так видишь людей?

– Только тебя, если бы я видел людей, то не жил бы в этой дыре и зарабатывал бы больше.

– А где работаешь?

– Ты и правда хочешь знать?

– Да, я всё хочу знать о тебе.
– Я работаю в научном проекте.
– А я в научном центре при Исаакиевском соборе.
– Ты тоже?
– Видишь.
– А ты откуда? Так странно, вчера мы успели обсудить вкусы, предпочтения, но совсем не знаем о жизни друг друга.
– Я из Санкт-Петербурга. А ты? Местный?
– Нет. Я из крошечного города на краю этой огромной страны.
– Выбился в Питер? – спросила она с улыбкой.
– Можно и так сказать, а смысла толком нет.
– Но ведь ты занимаешься любимым делом?
– Пытаюсь. Если это, конечно, любимое дело.
– Это главное. Ты не изменяешь себе.
– Себе... Если бы я ещё знал, кто я есть. Ты слышала, что человек меняется каждые семь лет? Полностью обновляется. Тот ли я двадцатилетний юноша, который не курил, не пил почти, боялся заговорить с девушками и усиленно брился, считая щетину признаком варварства и разгильдяйства? Нет, я другой, я поменялся, я вроде тот, а вроде другой. Старые друзья мои стали уже давно скучны и неинтересны, а потом и ещё раз новые, жизнь так поменялась.

– Я тоже раньше не курила и не пила.

Я промолчал.

– Я должна тебе сказать, – она вырвалась из моих объятий и села рядом на кровать, скинув с себя одеяло, – он умер два года назад. Мы поженились рано, в двадцать два года, а уже через три он ушёл.

Она сделала паузу.

– У него оказался рак. Всё так быстро произошло. Оказался рак, мы не успевали собрать деньги, друзья... наши друзья. Если бы все твои знакомые отказались бы от чего-то и дали малую кроху тебе на жизнь... Он бы остался со мной, но эти сволочи не видят ничего, кроме себя, для них другой человек, даже их друг, всего лишь декорация. Он может уйти, и это никто не заметит.

У неё из глаз опять потекли слезы, но ноток истерики не было. Она была уже без макияжа, и её прекрасное лицо казалось еще красивее.

– Он сам подал на развод, сказал, что это для меня, что не хочет меня обременять. Подал на развод и старался не контактировать со мной, старался меньше говорить, старался умереть до назначенного срока. Он думал, я смогу найти новую жизнь

после его жизни. Но не получилось. Он старался умереть раньше, но вместо этого он до сих пор со мной. Я его до сих пор люблю. Ты должен об этом знать.

Я смотрел на нее. И не знал, что сказать.

– Прости, – из её глаз лились слезы.

Я обнял её.

Следующий день я провёл на работе. Мы хотели увидеться во вторник, потому что сегодня у неё были какие-то дела. День опять прошёл обычно, незаметно. Следующей целью был известный петербургский спец по исламу. На то, чтобы выцепить эту птицу, я потратил очень много времени, но в итоге всё же нашёл его контакты.

Мужчиной он оказался весёлым, задорным и отзывчивым. Мы договорились встретиться, и я, вооружившись диктофоном, пошёл к нему. Разговор проходил на кафедре университета. Мы мило беседовали с ним под включённый диктофон:

– Давайте начнём, итак, первый вопрос. Насколько российские мусульмане открыты прочим культурным и религиозным группам, насколько близко готовы взаимодействовать?

– За годы существования Российской Империи и Советского Союза мы можем сказать, что сформировалась некая общность, такая как советский народ. И в целом присутствует общероссийская идентичность. Она, может быть, меньше, чем у других народов. Но можно сказать, что мусульмане замыкаются внутри себя, в России меньше, чем в других странах. В Китае мусульмане замкнутее, в Европе и в США ещё замкнутее.

– Имеют ли современные мусульмане доступ к религиозно-образованию за границей?

– Да, имеют. Главным образом благодаря деятельности религиозных фондов. У нас в стране свободный въезд и выезд. Получив определённый грант, молодой человек, студент может поехать в Турцию, Саудовскую Аравию, Катар, Кувейт, Египет, иногда Малайзию и, конечно же, в организации, которые заняты гражданской войной в Сирии.

– Получают ли они помощь от неправительственных исламских организаций (для ведения благотворительной образовательной, учебной и политической деятельности)?

– Да, получают.

– А как бы вы оценили государственную политику в сфере религиозного просвещения мусульман?

– Государственную политику лично я оценил бы негативно. И это потому, что в России сложилось негативное отношение к

исламу, начиная с начала девяностых годов. Оно, конечно, имеет объективные причины. Чечня, Афганистан, теракты. Также большинство наших чиновников – западники и ориенталисты. Ислам и мусульмане воспринимаются в качестве конкурента у государственной власти. Поэтому ведётся курс, во-первых, на раскол мусульманских общин в России (скорее на предотвращение обретения единства), во-вторых, далее, мусульманские общины воспринимаются как потенциальные противники и носители террористических идей, что касается и практикующих мусульман.

Человек, который молится, вряд ли достигнет серьёзных постов вне республик Чечня и Дагестан. Что касается религиозного образования, то в годы Советского Союза оно было полностью уничтожено, а его возрождение требует в полной мере значительных усилий, причём не столько финансовых, сколько интеллектуальных. Поэтому концепция российского ислама остается неразработанной, а государственная власть представляет её себе как «традиционный» ислам в России (основа ислама в России – это лояльность государству, такое часто говорят государственные эксперты). А в целом практически не удалось создать более-менее известную интеллектуально состоятельную исламскую школу или образовательное учреждение, хотя попытки на местах были.

– В сфере просвещения немусульман (относительно ислама)?

– Не могу сказать, что она есть. Такой политики нет.

– А как бы вы оценили статус мусульман в России? Быть может, они дискриминированы?

– Да. Без всякого сомнения мусульмане являются дискриминируемой группой. Однако не российским законом и государством официально, но на неофициальном уровне. Негативное отношение государства и общества к исламу и мусульманам существует, что связано с комплексом причин и поводов.

– Как бы вы оценили количество неформальных мусульманских объединений?

– Они имеют место быть, существуют свои объективные причины для их появления.

– А с чем это связано?

– Первое – активная деятельность иностранных проповедников, фондов и выпускников религиозных и нерелигиозных институтов за границей.

Второе – приведу вам пример: молодой человек из Дагестана получил грант и уехал в Саудовскую Аравию или в Турцию, там познакомился с общиной, их учениями. Потом вернулся и стал проповедовать. Это и есть влияние заграницы.

Третье – жёсткий контроль за российским исламом, причём власть всегда делает выбор в пользу лояльности, чем в пользу, не для протокола, интеллекта.

Четвертое – стопроцентная лояльность государственной власти – главное условие, чтобы власть соизволила общаться с мусульманами. И, разумеется, лояльность не равнозначна интеллекту и способностям, посвящённости, реальным знаниям и авторитету. Это во многом заставляет мусульман, знакомых с литературой и исламом, искать другие общины и, зачастую, радикальные.

Пятое – это запрет большого количества религиозных движений в России, литературы. Очень много мусульман переходят в разряд запрещённых.

– Как вам кажется, сколько мусульман уезжает из России?

– Проблема в том, что нет контроля. Цифр нет, но в целом количество загранпаспортов, полученных в целом по России и в мусульманских регионах.

– С чем это связано?

– Могу сказать, что часто выезжают на хадж. Разумеется, с целью учебы, посещения стран, родственников и святынь. Вопрос хиджры – популярная тема, и реально значительное количество мусульман уехало под предлогом хиджры. Также те, кто уезжают в террористические организации.

– Они возвращаются?

– Далеко не все и не всегда. Те, что в хиджру, не возвращаются – есть определенные фетвы, когда можно и нельзя. Те, кто учится, возвращаются. Если в девяностые Россия воспринималась как страна войны, то сейчас Россия перешла из разряда «дар аль-харб» в «дар ас-сульх». Воевать бесполезно, объявлять джихад рано, мы слабы, раз не можем победить, лучше уедем в хиджру.

– Те, кто возвращаются, – адаптируются или организуют свои круги?

– Всё зависит от человека. Знаю много людей, кто учился в саудовских медресе, но понимают все минусы и недостатки ислама ваххабитского, но люди, уехавшие в хиджру, на работе – они угроза (определенная) для России и мусульманской общины, это не только связано с терроризмом, сколько с тем,

что они, приезжая, сталкиваются с низким уровнем исламской общины.

– Несут ли угрозу и в какой степени приезжие из региона Ближнего Востока и Средней Азии?

– Сравнить нельзя – разные категории. Из Средней Азии – в основном мигранты. Могут наркобизнесом, другими видами деятельности заниматься и распространением религиозной литературы и знаний о религиозных организациях, но это касается самой проблемы миграции. Теоретических работ много, особенно по миграции в Европу, и там в целом прослеживаются объективные причины. Люди в другой стране, они подвергаются дискриминации, они мужчины, у них имеется вполне естественная сексуальная и финансовая неудовлетворенность, это на них влияет и вынуждает вести себя иначе. А что касается миграции с Ближнего Востока, тут важны причины, побудившие уехать. И к ним особое внимание, поскольку они могут быть носителям радикальных идей.

– Насколько хорошо государственные органы контролируют ситуацию?

– С технической точки зрения очень хороший контроль. Активная работа органов госбезопасности (МВД, ФСБ). Их активная работа заставила радикалов перейти от прямого сопротивления власти (как в девяностые) к хиджре. Большинство мусульман-радикалов на Северном Кавказе, так вот им проще уехать, чем заниматься деятельностью в России.

Особое внимание надо обратить на радикальный ислам в российских тюрьмах. Это на самом деле огромная проблема, и этой проблемой занимается Замахин Александр. Единственное место процветания радикального ислама – в тюрьмах, куда попадают радикалы и проповедники и привлекают и мусульман и немусульман, то есть этнических русских.

– Как бы вы оценили радикализацию ислама в современной России?

– До распада Советского Союза мусульманская община была в определённой изоляции. В Советском Союзе принимали планы по профилактике радикализации. В девяностые у нас происходит рост числа проповедников, российская община не готова к такому, и верующие мусульмане попадались на крючок. В конце девяностых это вылилось в прямое противостояние мусульманской общины и власти. И в двухтысячных государственная власть сделала заявку на победу над исламским радикализмом, и, собственно, сейчас радикализация падает, тем не менее

уровень её высокий, и тенденция достаточно неспокойна, на это есть объективные причины.

– Как бы вы в целом оценили государственную политику профилактики религиозного экстремизма?

– Политика не всегда ведется умными методами, можно по-разному понять исламский радикализм. Например, под радикализмом можно понять весь ислам, и профилактика будет вестись такими методами, как запрещение книг. Запрет книг, зачастую запрет большого количества религиозных течений и обвинения в экстремизме, как это было с братьями-мусульманами и Хизб ут-Тахриром, – это всё попытки власти просто запретить, а не победить интеллектом. Очень много надо ресурсов и мало времени, чтобы создать интеллектуальную базу. Хизб ут-Тахрир неояльны – это плохо, предположим. Что мы можем предложить взамен? Не для протокола, общий интеллектуальный уровень экстремиста выше, чем уровень наших муфтиев. Это проблема ислама (а государство на стороне муфтиев, им их уровень не важен). Как фронт ан-Нусры подчиняет себе другие движения? У них высокий уровень подготовки проповедников – в ней не так много членов, но она собирает шариатские отряды, и те приезжают в деревню, занятую другой организацией, вызывают имама на дуэль и разбивают его, и показывают авторитет, и склоняют другие движения на свою сторону. Мы недооцениваем фактор интеллектуальности.

– Насколько главные мусульманские организации контролируют ситуацию с распространением радикальных идей?

– В последнее время лучше. Что мешает контролю? Во-первых, это большое количество мигрантов из Средней Азии. Плохо контролируются российские исламские интеллектуалы, которые так или иначе пытаются создать альтернативные структуры и уходят в подполье, – это отнюдь не всегда экстремисты. А само поле ислама значительно шире. А второй момент – наличие разных мусульманских организаций, которые друг с другом во враждебных отношениях, это сказывается на имидже организаций.

– Как бы вы оценили количество исламской экстремистской литературы в России, и в частности в Санкт-Петербурге?

– Печатной мало – её никто не читает, распространение экстремистских материалов идёт по сети и по Ватсапу и Телеграмму, которые сложно сломать. Отследить что-то по этим каналам невозможно, поэтому нужно думать не о запрете, а как-то противопоставить интеллектуальную мощь по данному направлению. Только в двух регионах что-то подобное – в Чечне, здесь

отдельное спасибо Кадырову, а в Дагестане был такой Саид Афанди – мощнейший антиваххабитский тренд, так вот, и там велся диалог с ваххабитами, и с ними боролись интеллектом. Очень сильным был резонанс в умме, когда Кадыров общался с террористами по телефону. «Это вы мне будете про ислам рассказывать? Я вам сам расскажу!» Запретами в условиях Телеграма и Ватсапа не побороться.

И вот я в офисе. И вот я перебил и это интервью. Многие думают, что работа учёного общественных наук – это интересно. Но нет. Совсем неинтересно. Ты сидишь, ты пишешь что-то, что-то читаешь, потом опять пишешь. Иногда эта монотонная цепочка прерывается конференцией со скучными докладами, которую все терпят исключительно ради попойки в конце этой самой конференции. И так у многих людей проходит жизнь.

Вечер, у Лёши были какие-то дела с машиной, как выяснилось, у него она есть, но он на ней не ездит. А у меня был абсолютно пустой, не занятый огрызок дня. Я вызвал такси.

Этот город никогда не гаснет. Большой город всегда живёт, всегда дышит, он вбирает в себя воздух тысячами кожухов кондиционеров и выдыхает миллионами чёрных труб. Город никогда не перестаёт бодрствовать, он никогда не спит. Его бетонные и асфальтовые внутренности не пустуют – по ним проходят пешеходы, проезжают машины. Город живёт, он становится самостоятельным, он оживает, он мыслит, чувствует и осознаёт, он меняется, растёт, становится старше, мудрее.

Сквозь окно автомобиля я смотрел на проносящиеся за окном дома, которые в ночи приобретают совсем другое очертание, искажаются и, кажется, оживают. Каждый дом, как живое существо, манит тебя к себе, обещая рассказать самые сокровенные тайны.

«Смотри, – говорит особняк в центре Петербурга, – во мне когда-то жил знаменитый аристократ, а потом его убила жена за измену. Представляешь? А потом во мне же бывал знаменитый поэт, говорят, что он совершил самоубийство, но это не так».

А вот огромный собор своими дверьми-губами кричит мне в вдогонку:

«Во мне венчались великие князья! Но потом у них что-то не заладилось. И из меня сделали музей».

Дома помоложе могут похвастаться только тем, что внутри них кого-то убили, кто-то неудачно женился или выбросился из окна. Молодым домам нечего рассказать, они упустили свой шанс на то, чтобы стать чем-то величественным.

Но вот машина свернула к совсем новым домам, которые на фоне старых выглядят совсем скучно. Немного по дворам – мой дом.

Я расплачиваюсь с водителем и собираюсь зайти в подъезд, как вдруг снова вижу ту самую компанию людей, тех же самых мужчин в тубетейках, которые шли из магазина с пакетами прямо к тому самому дому напротив.

«Ты, когда услышишь что-нибудь, мне сразу скажи», – пронеслась у меня в голове недавняя фраза.

Тогда я отошёл в соседнюю арку, откуда весь двор просматривался отлично, и закурил. Они вроде как меня не заметили и также шли, шурша пакетами. Вот компания подошла к домофону, вот они приложили магнитный ключ, дверь запищала, они заходят и не дергают дверь за собой – её медленно закрывает доводчик (видимо, починили).

Я, выронив сигарету, стремглав бросился, как грациозная лань, прямо к медленно закрывающейся двери. Я видел, как она со скоростью улитки, но всё же пыталась замкнуть магнитный замок. Секунда, две – я просовываю пальцы в щель между дверью и защёлкой.

Успел.

Ташу дверь на себя и просачиваюсь в подъезд, где уже слышен звук работающего лифта. Уехали, но на какой этаж? Надо прислушаться – я встаю под лестничным пролетом и жду. Лифт гудит – этаж за этажом, этаж за этажом.

Стоп.

Я слышу, как наверху открываются двери, и шумная компания выпадает из лифта, шурша пакетами. Этаж пятый, может, шестой.

Я аккуратно поднимаюсь вверх по лестнице, чтобы мои шаги не услышали. Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой.

«Мне нужна конкретика. Все домыслы, все представления и неточности оставь при себе. Мне нужна конкретика. Точная, как автомат Калашникова, и чистая, как этиловый спирт», – проносится у меня в голове опять.

Главное – найти их квартиру, а там пусть разбирается Женя сам – мне уже всё равно.

Я поднимаюсь так тихо, что распознаватель звуков, который включает в подъездах свет, меня не слышит – темно. И так, в темноте и тишине, всё выше и выше.

Наконец-то пятый этаж. Прислушиваюсь, и в этот самый момент кто-то внизу давит на кнопку вызова лифта. И он едет, но с этажа выше. Отлично, тогда я поднимаюсь еще выше. Выше-ниже, можно и запутаться.

И вот я на лестничной клетке – здесь четыре квартиры, лестница вниз, на которой не работает лампочка, лестница вверх, мусоропровод – на перилах прикреплена импровизированная пепельница из жестяной банки. Отлично – наши люди.

Я жду, когда проедет лифт, и опять прислушиваюсь – эта компания обязана себя выдать – чихом, смешком, просто громким разговором. Но тут происходит то, чего я никак не ожидал, за самой крайней правой дверью раздаются громкие голоса, топот ног. И я вижу, как ручка аккуратно и медленно идёт вниз.

Признаться честно, я никогда не считал себя умным, наоборот, я всегда казался сам себе тугодумом, мне нужно было много времени, чтобы принять решение, но сейчас я сам себя поразил, может быть, сильно вжился в роль тайного агента. Я резко снял куртку, оставшись в одной рубашке, и швырнул её в неосвещённый лестничный проем. Дверь открывается, и маленького роста, загорелый узбек в спортивных штанах и футболке выходит с мусорным мешком. Я же машинально достаю из заднего кармана сигареты и закуриваю. Картина маслом – сосед вышел покурить.

Он смотрит на меня, в его тёмных зрачках читается всего один вопрос, и вопрос этот заставляет меня выдавливать из себя всю возможную актерскую игру и притворство, а вопрос вполне конкретный: «Что ты тут делаешь? Ведь я тебя не знаю». Я же обыденно, по-соседски махнул ему рукой и затянулся.

С металлическим выражением лица маленький узбек идёт выбрасывать мусор. Хлопнув крышкой, он подходит ко мне и, несмотря на свой рост, глядя гордо мне в глаза, на ломаном русском языке говорит:

– Мы же просили не курить. И банку эту выкинуть просили.

В тот момент мне казалось, что мои глаза дёрнулись, забежали, сжались, как это бывает у плохих актеров, когда они не вытягивают эмоцию, но здесь борец с курением загнал меня в пятый угол.

Он своими руками снял банку и вручил ее мне.

– Иди и выброси, – повелительным тоном сказал мне узбек.

Я затушил сигарету в банке и направился к мусоропроводу, выкинул. За открытой дверью показались ещё темноволосые головы, они о чём-то тихо перешёптывались между собой. Внизу заработал лифт.

Удостоверившись, что я выкинул банку, узбек пошёл к своим. А я, играя роль соседа, направился к противоположной крайней левой квартире. И только опустив ладонь на холодную ручку, я понял, что дверь сзади меня не закрывается и три-четыре пары чёрных глаз смотрят мне в спину.

Моноotonно работал лифт. Под этот спокойный и привычный звук я услышал, как по направлению ко мне пошёл один из них. Что-то чиркнуло, как будто разложился нож.

Шаг.

Шаг.

Шаг.

И тут лифт останавливается на нашем этаже, из него выпадает пьяная компания – двое мужчин и две женщины с воздушными шариками, на которых изображен логотип какой-то фирмы, – видимо, с корпоратива.

Воспользовавшись паузой, я рванул мимо узбека и пьяной компании к лестнице, попутно поднимая с запыленных ступенек куртку. Я бежал, бежал изо всех сил, мои прокуренные легкие ныли и болели, кричали, чтобы я остановился, молили меня, сердце, привыкшее к максимальной физической нагрузке в виде подъема крышки унитаза, билось в припадке, а я нёсся вниз со скоростью младшего брата олимпийского чемпиона. Я и не заметил, как добежал до своей двери парадной и скрылся за ней, взмыл вверх и машинально открыл ключами дверь.

Прихожая. Тёмная, милая, старая, добрая прихожая. Привычный запах застоявшегося воздуха – такой до боли знакомый. Я стоял, прислонившись спиной к двери, и слушал, как моё сердце и лёгкие вырываются из груди.

Почему так тяжело? Почему никто не сказал, что будет так тяжело? Вот бы сразу предупреждали о том, что тебе придётся пройти такой сложный, такой большой путь. Лучше всего – при рождении. Только обрезали пуповину – и сразу говорят тебе: «Сынок, зря ты сюда пришёл – тебе предстоит быть вечно безработным, с тремя детьми от разных браков, а умрёшь ты от рака легких и цирроза печени одновременно».

Было бы проще, люди бы не строили иллюзий, не верили бы в добро и смысл жизни.

Почему-то в этой темной прихожей ритм моего сердца показался мне шагами за дверь. Я глянул в глазок – никого.

Евгений Андреевич был очень рад такому открытию. Это был для него настоящий подарок. Надо было видеть его лицо, как он скакал от радости, когда я выдал ему и адрес, и номер квартиры, и примерное количество человек. Иногда мне кажется, что сотрудники ведомств до такой степени проникаются своей работой, что могут в прямом смысле на ней жениться. А ещё больше он обрадовался, когда информация подтвердилась.

И в дом напротив приехали машины. Чёрные. Сколько лет прошло, а чёрные машины всё ещё приезжают, раньше за мо-

нархистами, потом за троцкистами, за диссидентами, теперь за ваххабитами. Эволюция русского протеста! Никому бы не пожелал, чтобы они приехали за ним.

Но тогда это меня мало волновало, ведь на следующий день я был с Олей.

Мы не договаривались встретиться в конкретном месте и в конкретное время. После работы телефон зазвонил. Зазвонил самым дорогим для меня звонком.

– Привет, Оль.

– Ты где?

– На работе.

– Я скучаю.

– Я тоже. Прогуляемся?

– Давай пойдем по Васильевскому? Зайдем в книжный?

– Давай.

Я немного подождал её у метро, и вот она поднялась из глубины, как Афродита поднималась из волн. Её прекрасные голубые глаза, казалось, светились от счастья, её прекрасные волосы аккуратно ложились на синее пальто, от неё пахло прелестными духами. И было ощущение, и верил я, что вся улица, весь город меркнут по сравнению с ней, что весь городской пейзаж отдаляется назад, падает куда-то вниз.

И только здесь и сейчас, при встрече с ней, я вспомнил, что выгляжу, как бомж, что я небрит, плохо одет, от меня несет сигаретами, но она, она поцеловала меня при встрече и целовала дальше, целовала весь вечер.

Что заставляет женщин так любить мужчин – лично мне как мужчине было решительно непонятно. Что толкает таких прекрасных, нежных созданий, как девушки, к нам? Что заставляет их к нам тянуться? Почему их привлекают столь неповоротливые, безобразные мужчины? Я как мужчина решительно не понимал.

Но я знал одно – рядом с ней я счастлив, рядом с ней я забываю обо всём, а значит, все прочие вопросы не имеют смысла. И мы пошли гулять. И мы гуляли весь оставшийся день, говорили обо всём и ни о чём. Парки, дороги, соборы и здания стали декорациями для нашего счастья, для нашего парного путешествия. Мы были вдвоём, а значит, были счастливы.

Мы прошли по Кадетской линии и вышли на Университетскую набережную, по мосту к Дворцовой площади, а оттуда на Невский и вперед, вглубь живого, мыслящего, мистического Петербурга.

– Недавно мы с моим другом говорили, что Петербург – живой, – сказал я, когда мы остановились.

- Почему же?
  - А ты никогда не чувствовала его энергетику?
  - Что-то такое было. Было ощущение, что ты, как кровяная клеточка, течёшь по венам его дорог.
  - Сейчас тебя проберёт на стихи.
  - Ну и пусть. Ты понимаешь, что, возможно, мы живём рядом с будущими классиками?
  - Эти безобразные хипстеры в баре?
  - Поверь, Маяковский тоже был хипстером в своё время, тоже начинал с баров. И мы начинаем. Возможно, начало двадцать первого века будут изучать по нашим стихам.
  - Не завидую я нашим наследникам.
  - Хватит! – она улыбнулась.
- Мы пошли дальше.
- А ты сама где живёшь?
  - Я сдаю квартиру и снимаю квартиру.
  - Зачем?
  - Я не могу жить в нашей прежней. Я её сдаю. Живу в съёмной, давай не будем об этом?
  - Ладно, прости.

Мы пошли молча.

А после зашли в книжный, прогуливались между полками с фантастикой, фэнтези и современной прозой, смотрели из стеклянных окон магазина на бегущий Петербург, на канал Грибоедова, на огни.

На кассе я купил маленькую бабочку, простую декоративную бабочку, как настоящую, только искусственную, и подарил её Оле.

Мы ничего так и не выбрали, но пропитались магией книг. Пропахли ей, как одежда в шашлычной. Снова вышли на улицу и обогнули Казанский собор, зашли на Думскую, чтобы оттуда свернуть к метро и поехать домой. Мы пошли мимо полупустых баров и кучек демонических людей и странных образов. Проходя мимо бара, где мы недавно читали стихи, я увидел в окне Оскура. Казалось, что его глаза светятся как две маленькие газовые горелки, из его лысого лба торчат небольшие рожки, и сзади, за спиной, что-то горит.

Может, так удачно падает свет?

* * *

Надо сказать, что в детстве я был очень беспокойным ребёнком. Был нервным и частенько не мог усидеть на одном месте и долго заниматься одним делом.

Теперь детские невроты давали о себе знать, каждый день, когда я возвращался домой один, было странное ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Кто-то следит, смотрит из-за угла, смотрит, как я подхожу к дому, подъезжаю на такси, как хожу в магазин. Странное чувство.

Но я старался не придавать ему никакого значения. До определенного момента.

В тот день мне нездоровилось. Кажется, продуло, может, в метро, а может, просто весна в Петербурге не совсем весна. В любом случае, я отменил встречу с Олей. Я отпросился из офиса и взял работу на дом. Как я доехал на метро домой – ума не приложу. Мне казалось, что вот-вот под ногами разверзнется бездна, и я упаду в бесконечную пропасть. Моя поездка домой далась мне затратой огромных сил, и каждую секунду этого похода мне казалось, что я вот-вот сейчас отключусь из-за температуры. Выйдя из-под земли, я наведалься в аптеку, приобрёл жаропонижающие и наелся ими вдоволь. Должно помочь. Добрался до дома, поднялся вверх и лёг спать.

Не сделаю работу сейчас, сделаю как-нибудь потом. В любом случае, работа не волк.

Сквозь сладкий и вполне заслуженный сон мне казалось, что кто-то стучится в дверь, но недомогание было сильнее, чем желание встать и проверить. Тем более соседи тоже могли стучать, что-то ремонтировать.

Сон, сплошной тяжёлый болезненный сон накрывал меня своими липкими конечностями. Казалось, что вся квартира, вся улица, город и вся страна скрылись, исчезли, оставив место такому тяжёлому и крепкому сну разума.

И я провалился.

«Ту-ту» – кто-то копался в замке моей двери.

«Ту-ту» – кто-то копался отмычкой в промасленных недрах.

«Ту-ту» – рвался кто-то чужой, чуждый, страшный в мой, в наш дом.

Я вскочил с кровати. Было уже поздно.

Я выскочил из болезни.

Я выскочил из сна.

Все плохие ощущения как рукой сняло, они уступили место страху. Я на цыпочках прошел к двери, от которой раздавалось такое «ту-ту», и заглянул в глазок.

Там стояли трое мужчин, один был занят тем, что рылся в замке, двое других держали в руках биты. Я оторопел, бросился

на кухню и схватил нож, потом понёсся к служебному телефону и позвонил Жене:

– Алло, что стряслось?

– Меня пытаются убить.

– Кто? – такое спокойное, беспристрастное, людоедски непреклонное раздалось на том конце.

– Они.

– Серьёзно? – более солидное и заинтересованное в будущем моей жизни.

– Да, а то бы я стал шутить!

– Понял, едем, спрячься.

Гудки.

«Спрячься». Только где? В чём? Куда?

Балкон на кухне! Единственное место, где ещё можно спрятаться. Я побежал на кухню под это омерзительное «ту-ту» и закрылся, улегшись на пол, зарывшись в пакеты, сумки и тряпки. Как хорошо, что я живу один и в моей квартире царит вечный беспорядок и хаос, иначе бы на чистом балконе я бы не нашёл свое пристанище.

Затаил дыхание.

Дверь открылась. Я слышал, как три пары ног вошли в дом.

Три человека прошли в комнату, в ванную, в туалет, зашли на кухню. Я отчетливо слышал, как холодный пол резонировал от каждого их движения. Трое постояли на кухне, а потом посмотрели, есть ли кто на балконе, я не знал, не видел, но чувствовал каждый из трех взглядов.

Они что-то говорили на своем языке, потом закрыли входную дверь и стали сидеть на кухне, поставили чайник, порылись в холодильнике.

В дверь постучали. Один из трёх пошёл в прихожую.

Удар, шум, крики, русские маты.

Не могу вспомнить, когда Женя, зайдя на балкон, повелительно мне сказал: «Спокойно, Маша, я Дубровский».

За эту шутку мне самому хотелось его убить.

Те трое лежали на полу в наручниках, над ними стояли высокие и шкафоподобные коллеги Евгения Андреевича, один что-то писал в протокольный лист, один ковырялся в ногтях, третий курил прямо у меня дома. Мы с Женей отошли в спальню.

– У тебя проблемы, – сразу оптимистично начал Женя.

– Это я уже успел понять. Не тупой.

– Короче, смотри, выметайся из дома. Тебе здесь жить опасно. Поживи у друзей. Сегодня квартиру освободи, пришлю

к тебе сейчас человека, ключ передай ему. Сам поживи где-нибудь. Можешь рассказать про эту канитель, но только про меня и Пашу ни слова. Мы к твоему дому приставим человечка, будем следить. Если что, мы с тобой потом свяжемся. Понял?

– Да, – с интонацией обиженного ребёнка ответил я.

– Ну и молодец, по служебному телефону пока не звони. Никому не говори. Другу, у которого будешь жить, скажешь, что ремонт. В твоей квартире обоснуются наши люди. Попробуем, что из этого выйдет.

Он оглядел ещё раз мою комнату, а потом, смеясь, добавил:

– Может, даже я у тебя тут поживу. Хата клёвая.

– А с девушкой что делать?

– Придумай что-нибудь, соври, ты же политолог, у тебя должно хорошо получаться, – он подмигнул.

«Какой же ты левиафан», – подумал я.

– Я все вещи сразу не заберу, – ответил я, – по частям вывезу.

– Да, но как можно раньше.

Пока мы говорили, я думал о том, как завтра буду говорить об этом Лёше, как буду вывозить самые нужные вещи и как мне надо будет отдать Оле тот самый пакет. Тот пакет с вещами, который девушка привозит к своему парню.

Апрель

За несколько месяцев до этого дня несколько ребят, работающих в суши-баре уборщиками и посудомоями, встретились. Они все были узбеками из Киргизии, они все оказались в трудной ситуации. Им не нравилось, что каждый полицейский готов их остановить и потребовать взятку, что каждый человек готов крикнуть «понаехали», на работе не платят несколько месяцев, могут забрать деньги, когда ты болеешь, тебе не дают возможность полечиться.

Люди встретились и обратились к тому, что лежит в их народном архетипе, что остаётся в их культуре веками, – к исламу. Но просто ислам не дает ответов на вопросы, он призывает к самосовершенствованию и развитию, а ислам радикальный сразу всё расставляет на места, он говорит, кто виноват, а кто не виноват, кто хороший, а кто плохой.

Возникла «автономная ячейка», не связанная ни с кем – ни с координатором, ни с арабами, ни с прочими террористами.

Ячейка училась работать, делать бомбы.

Научилась.

В этот день все было как обычно – как обычно, люди проснулись утром, как обычно, кто-то особо буйный в это время только лёг спать, как обычно, дети пошли в школу, а взрослые на работу, над городом пронеслись тучи, из одного конца «человейника» в другой катался транспорт – по дорогам ездили машины. Как обычно, по тротуарам гуляли люди.

В этот день, как обычно, люди курили сигареты и ели еду, целовались и ругались, здоровались и прощались, рождались и умирали. Как обычно, у нас в офисе что-то сломалось, и Лёша попросил купить по дороге смазку для замка. Ко всему люди привыкли, кроме такого, все готовы были люди стерпеть, но не удара в спину, не такой откровенно-поразительной подлости.

Теракт.

Теракт – кричало радио.

Теракт – кричало ТВ

Теракт – кричали газеты и сайты.

Теракт – нависло над городом ужасное, как ржавая банка, слово. И ужас на опылённых ртутью крыльях понесся над страной, над городами, вселяя в сердца людей сплошной, как космический мрак, страх.

Теракт – слышалось отовсюду, каждая капля дождя, каждый порыв ветра, каждая минута времени были полны этого ужасного слова, были пропитаны этим страшным и мерзким чувством неожиданности смерти.

Взрыв. Испуганные люди на улицах, закрытое метро, звонки знакомым и родным. «Ты как?» – «Жив, а ты?» – «Тоже».

Это общая атмосфера испуга и хмурой паники напомнила мне, как примерно год назад я ехал в Пулково, чтобы возложить цветы, – в автобусе сидели люди с цветками и венками, они проникновенно смотрели на меня, и мы понимали друг друга без слов.

Все повторилось. Это общее горе, предчувствие общей угрозы, общее недовольство тем, что кто-то может отнять у тебя, твоих знакомых жизнь, – все это обуюло Петербург, и, пожалуй, всю Россию.

И вот тут я понял... Это горе, эта ужасная потеря – всё это объединяет нас из раза в раз. Может, наша судьба – не жить для чего-то, не жить для построения коммунизма или для построения мощной экономики, а наоборот? Может, мы должны жить от обратного? Не для, а против? Как ньютоновская жидкость?

Люди сами ещё не осознали, но это стремление к справедливости выливается в единство. Эти ужасы показывают, как мы

готовы к родству друг с другом, как все прошедшие годы расщепления никак нас не покорежили в нашей широкой русской натуре, изменив лишь частности, изменив лишь облик, а внутри... Внутри мы все такая общинная русская деревня, которая чувствует родство, ссорясь в спокойное время, но объединяясь, когда кто-то чужой позволяет себе нас обидеть. Мы готовы к родству, осталось только найти катализатор.

Мы сидели в тот день в офисе и молча слушали прямой эфир. Когда репортаж закончился, Егор Николаевич хлопнул кулаком по столу.

– Чёрт возьми! – вырвалось у него.

– А мы что могли сделать? – спросил Лёша.

– Мы – ничего, но ведь другие – могли! Сколько там сидит в кабинетах чиновников, сколько там полицейских и экспертов? Тех самых экспертов, которых нам показывают по телевизору каждый день? И что? Легче от этого?

– Но ведь бывают проколы.

– Это не прокол. Это болезнь всей системы! Всё, что мы с вами сейчас делаем, – бессмысленно! Отслеживаем каналы в Телеграме! Ути-пути, блин, они эти каналы могут плодить десятками! Сотнями! Что мы ещё делаем? Мы читаем эти дурацкие группы, мониторим активность в сети, а толку? А толку, если на запрет этой чертовщины надо несколько месяцев и решение суда? А система, эта гнилая система, состоящая из этих пресловутых прав человека, – она создает ниши для геев, трансгендеров, лесбиянок, скинхедов, фашистов и исламистов, для их деятельности. Вот представь себе, что ввели в социальных сетях регистрацию по паспорту. Сим-карты продают по паспорту – почему тут не сделать?! Представь, сколько сразу бы отсекалось разбирательств, сколько вопросов бы отпало разом! Ведёт человек пропаганду, пишет что-то неаккуратное в сети, так его сразу и хлопают по его активности – и отпираться нет смысла – твои данные, твоя страница. Нет, эта молодежь, хипстеры и тролли, – все они начинают бесноваться, когда их просят отдать часть свободы ради безопасности! И самое ужасное, что свободу они понимают, как всеядность, как глупую возможность жрать всё, что им вздумается. Они исходят вонючей жижей и брызжут слюной, когда им говорят, как надо, потому что как надо, они не умеют. А когда всё проваливается, эти же самые хипстеры, эти же самые тролли и эта молодежь начинает хаять государство!

Он сделал небольшую паузу, чтобы отдышаться, а потом продолжил.

– А чего только стоит этот пресловутый Телеграм? Когда создатель, неглупый вроде человек, ведёт себя, как маленькая девочка, дескать, посмотрите, эти варвары хотят посягнуть на вашу личную переписку! Да личная переписка этих людей в Телеграме – скука! Это неинтересно! Мне скрывать нечего, я готов хоть сам относить свою переписку в ФСБ, чтобы жить в безопасности! Как они этого не понимают? Как этим людям в кабинетах в кожаных креслах объяснить, что теракт – это способ коммуникации, это способ рассказать и заставить бояться одновременно. Теракт – ужасный способ той части мира, которую все остальные считают отсталой и дикой, заявить о себе. Сколько в мировой экономике составляют исламские страны? Около четырёх процентов, почти как одна Россия. Как всем исламским странам, как обездоленной колониальной политикой, вмешательством на её территории и нищенствующей части мира сказать, что она тоже есть? Только таким кровавым способом, только такими жертвами. Запад сам виноват в том, что Восток на него ополчился, так он ещё ему и помогает!

В офисе повисло молчание.

Молчание переросло в работу. Работали мы в тот день слабо. Нам казалось, что мы занимаемся ерундой и делаем всё впустую. Вот мы что-то пытаемся создать, что-то отследить, а толку никакого.

Весь день меня не покидало то ужасное чувство телефонного разговора с Олей. До этого мы и так плохо общались, я упорно не мог объяснить ей, что случилось с квартирой, а рисковать тайной я не хотел, не знал, как она отреагирует. Уже и так мне пришлось рассказать Лёше, который всё понял и пригласил пожить у него.

Не факт, что Оля поймёт, не факт, что оценит, да и общаться с таким человеком, которого могут убить ваххабиты, – не лучшее для девушки. Уже несколько дней с Олей мы просто созванивались и разговаривали дежурными фразами. Эта квартира стала, как стена, перелезть через которую было трудно, как перейти Рубикон. И вопрос тут был не в квартире, а в доверии. Все мои отговорки Оля прочувствовала и отвергла, на заявление о ремонте предложила приехать и помочь. Вот как с такой быть?

А потом, сегодня... Сегодня ни с кем долго говорить не хотелось.

Сегодня казалось, что не закрыли метро, а закрыли жизнь.

И толком из себя ничего не выдавив в этот день, мы поехали по домам. С Лёшей у нас была договоренность, что я захвачу остатки вещей и приеду сегодня к нему. Домой мне ехать не хо-

телось. Вообще в городе находиться хотелось не особо. Вокруг висело это ржавое слово «теракт», чувство страха и обиды.

Они дорвались до своего.

– Оленька, сладкая, солнышко, я очень скучаю по тебе! – сорвался я, едя в машине с водителем-армянином, который до этого рассказывал мне про своей родной Ереван и как он переехал в Питер.

– Да.

– Я очень прошу, не отдаляйся от меня, у меня сейчас временные трудности, потом я всё-всё расскажу.

– Почему ты не можешь рассказать сейчас?

– Не по телефону.

– Давай завтра?

– Я позвоню утром.

– Прошу, обязательно утром. Иначе. Иначе я сойду с ума, опять.

Гудки, а я заезжаю во двор. Вон горят окна моей квартиры, где живёт вполне умный сотрудник, с которым мы нашли общий язык. Ведёт он себя аккуратно, и ладно.

Совсем возле подъезда меня ударили по голове сзади. Должен признаться, что по голове меня никогда не били. В лицо, если мы будем считать его куском головы, – да. Но вот конкретно по черепу ни разу. И ощущения от этого, могу я вам сказать, не самые лучшие. Ощущения отвратительные – у тебя всё перед глазами рябит, плывёт, качается из стороны в сторону, тебя тянет вырвать. Голова... такое ощущение, что она хочет расколоться на тысячи маленьких кусочков и сразу же собраться обратно. Никому бы не пожелал таких ощущений, лучше прочитайте, прочувствуйте, но никого по голове не бейте и свою не подставляйте.

Лет за пять до удара по голове для меня, еще юного, стало открытием, что всё происходит не как в фильмах, когда человека бьют по голове и он «засыпает» на минут десять, а потом просто, ругаясь, встаёт. Нет, ты не отключаешься. В реальности, если ты «уснёшь» от удара по голове, то, скорее всего, с твоей головой уже всё плохо. Если ты в отключке от удара больше минуты, то можно тебя поздравить, ты кандидат в овощи.

Вот меня ударили так, что сбили с ног. Сбили с ног и куда-то потащили. Три пары рук, мужские голоса, говорят не по-русски. Правда, сквозь болевой шок и оглушение я воспринимал это как галлюцинации: вот они тащат, вот сажают в машину. Машина трогается, и проплывающий за окном тёмный пейзаж кажется частью

чего-то большого и нереального. Сквозь пелену невозможности и бредовости я неосознанно для себя рассмотрел своих пленителей. Это были трое невысоких мужчин – узбеки. За рулём сидел самый большой, двое других, один из которых был впереди, а другой со мной на заднем сиденье, были примерно одинаковы в пропорциях. И в том, что был на переднем пассажирском, я узнал того самого, с кем у меня был неприятный опыт моноспектакля, когда я изображал соседа на лестничной клетке.

Они были молчаливы, на меня не смотрели. Водитель абсолютно спокоен, вёл уверенно и размеренно, не гнал. Мы постепенно выезжали из города с северо-запада. За спиной остались освещённые развязки, огни, фонари и высокие дома. Мы выехали из города, а потом, судя по всему, автомобиль свернул на какую-то просёлочную дорогу.

Машина остановилась. Я уже отошёл от удара, от ощущения нереальности происходящего. За окном машины было темно, виднелись деревья. Сидящий со мной рядом открыл дверь и потянул меня за рукав наружу, двое спереди тоже вышли.

Судя по запаху и доносящимся из-за деревьев звуков редких брызг, рядом было озеро или прудик. Сидящий рядом со мной достал из багажника булыжник, обмотанный веревкой.

Чувство нереальности сменилось ощущением дрожи в коленях, страха и предыстеричного состояния, когда, как в детстве, ты понимаешь, что скоро разразится буря, шторм эмоций, но ещё стараешься себя сдерживать.

Один из узбеков достал из автомобиля нож – обычный большой кухонный нож. Он посмотрел на меня, как на маленького петушка, которого сейчас забьют, а после скушают вкусный суп.

– И вот надо было тебе вертеться? Из-за тебя наших братьев взяли в плен и будут судить в неверном суде по неверным законам, которые попирают законы Всевышнего! – сказал мне тот самый узбек с лестничной клетки.

– Зачем ты сдал наших братьев? – спросил он после небольшой паузы.

– Я не знаю, о чём вы, – вру я, – я никого не сдавал, я вообще вижу вас в первый раз, я ничего не знаю.

Плотину прорвало, у меня на глаза навернулись слезы. Страх просыпался, страх и истерика, чувство реальности, ощущение ножа, который сейчас, через пару минут вонзят тебе в живот, который железной обжигающей волной пройдёт внутри твоего тела, разорвёт органы, выплеснет наружу струю алой, тёплой, терпкой и такой родной тебе крови. Кровь польётся на

землю, на свежую, молодую траву, впитается в грунт, а ты будешь дёргаться от боли, пока не сделаешь последний выдох.

– Не ври, – крикнул на меня узбек. – Что ты делал там у двери у нашей? Как только ты объявился, как только ты оказался у нашего дома, так наших братьев взяли. Никого мы больше не видели.

– У вас же соседей полно, они могли рассказать. Я тут ни при чем, я в тот вечер у любовницы был, у нее муж уехал в командировку. Да! Слышите! Я был пьян, вышел покурить, перепутал двери, испугался людей, которые приехали, и убежал. Да, я плохо тогда поступил, но я вас не сдавал. Я не знаю, кто вы вообще, я не видел вас раньше.

– Соседи о нас не знали. Мы собирались тихо. Единственный раз, когда нас кто-то ночью видел, там был ты и те пьяные люди. Но ничего, мы с ними тоже поговорим.

Он сделал паузу, потом прочитал молитву на арабском, двое остальных вторили ему «Амин». После он опять посмотрел на меня:

– Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Братья, – он обратился к своим «коллегам», – мы отомстим за наших братьев, за вашу агрессию против наших братьев и сестёр, мы отомстим за всех невинно убитых правоверных мусульман, которые сражались с многобожниками, крестоносцами и евреями по всему миру, по всей земле Всевышнего!

Только сейчас я заметил, что стою в свете включённых фар, а водитель снимает всё происходящее на телефон.

– Мы долго ждали возможности ответить вам! Мы долго вели войну здесь, на земле ислама, с вами. И вот сейчас у нас есть достаточно патронов, достаточно денег, достаточно людей, чтобы тягаться с вашими танками, с вашими самолетами. Вас много, но вы не вместе, вы сильные, но силу вашу съедает воровство и неверие в Аллаха! Пусть этот червь, этот недостойный неверный, который не только вершил грех, но и мешал войнам ислама вести войну, будет первой каплей крови в грядущей войне, в которой мы победим.

И он пошёл ко мне.

В тот момент мне показалось, что время остановилось, что каждое мгновение бесконечно долго начинается и бесконечно долго заканчивается. Он идёт ко мне, нож блестит в свете фары, камера ведёт запись.

Шаг.

Такой долгий, мучительный.

Шаг.

Шаг.

Я зажмуриваюсь, и тут...

Жизнь – безумно странная и необъяснимая штука. Скажем так, в жизни от тебя мало что зависит, потому что уже рождаешься ты не по своему выбору и воспитывают тебя не так, как ты хочешь, книжки читают не такие, какие ты бы сам прочитал. А ведь ты бы маленький вряд ли бы вообще читал книжки – тебе было интересно валяться в снегу, к примеру, или мультики смотреть. И получается, что уже с детства ты не выбираешь, как не выбираешь и в дальнейшем. Несмотря на то, что где-то после периода взросления тебе начинают активно говорить про свободу выбора, выбора как право, выбора президента, но все это на самом деле полная ерунда, так как человек в важных вопросах всё равно либо сильно ограничен, либо слишком зависим от уже имеющегося в его жизни, что вполне одно и то же, но разное. И вот живёт человек, который верит в то, что он умеет делать выбор, живёт себе такой, горя не знает, хотя сам его выбор заключается только в том, какая партия после выборов, хотя каждая девушка на Невском проспекте знает, что разницы между ними, то есть партиями, нет, будет править, и в том, какие носочки сегодня надеть. Видите, человек в своем выборе ограничен. Но почему-то именно сегодня утром Лёша попросил купить в офис баллончик смазки, который я потом не оставил в офисе, а сделал выбор и сунул в карман куртки. Такой маленький баллончик, который пролежал в кармане этой куртки весь день. Почему сегодня, почему сейчас?

На вопросы о совпадениях в жизни можно долго искать ответ, но я выдернул руку из кармана и резким движением выставил её вперёд, прямо перед глазами моего будущего убийцы.

Нажал клапан, струя смазки вырвалась прямо в черные, как угли, глаза ваххабита.

Тот схватился за лицо и закричал, после махнул впереди себя ножом, еще раз, еще. Он махал им, рассекая воздух секунды две, пока его товарищи на спохватились и не бросились ко мне.

Дальше все было как в тумане, как в каком-то бредовом сне, дурацкой игре. Я побежал, побежал прочь от машины в лес. Буквально в метрах пятидесяти дорога, а за ней есть небольшие поселки, деревни. Мне главное выбраться туда, а там буду ломиться в двери, буду кричать, звать на помощь, буду бить кулаками в окна, чтобы меня пустили, помогли, защитили.

И я бежал.

Я нёсся сквозь деревья, спотыкаясь о развалившуюся под ногами свалённую траву, о ветки, вступая ногами в ещё не сошедший снег. Я нёс себя, своё тело, свою душу от своей же смерти, не оборачиваясь. Лёгкие вопили, кричали, плакали и рыдали, сразу началась отдышка, держать ритм бега было очень трудно, вдох – выдох прыгали как могли, диафрагма сходила с ума, а я всё равно бежал. Превозмогал.

Мысли о том, чтобы остановиться, посещали мою голову, но в то же время где-то в подсознании, в том тёмном уголке человеческого бытия, в том животном, бесконечно отдалённом от любой разумности кусочке человеческого самосознания, который пережил миллионы лет эволюции, но остался самым диким, проснулся инстинкт. Проснулся и взял надо мной вверх.

И вот я уже не человек, не будущий кандидат наук, не интеллигент, не сын, не друг, не гражданин, а зверь. Обычный зверь, убегающий от таких же зверей. Как жертвенный ягненок. Вообще, когда одни люди хотят убить других, то они теряют человеческий облик, теряют всю свою людскую возвышенность, скатываясь вниз, в скотство и животную дикость. Недаром войны называют бойней. Миллионы лет эволюции, а приматы всё равно убивают приматов. И смысл в этой эволюции?

Сквозь эти миллионы лет от своих убийц бежит напуганный зверь на двух ногах, отчаянно размахивая руками. Его редкая шерсть поднялась и распушилась, его сердце трясётся, его ноги и руки трясутся тоже, он слышит шаги за спиной, он не видит, но слышит преследователя.

Зверь выскакивает на дорогу, как какой-нибудь олень. И его чуть не сбивает машина. Он бежит через трассу, сзади сквозь звук проезжающей машины слышится выстрел, за ним ещё один. Звук разносится по округе, спящие птицы разлетаются. Звук выстрела проходит сквозь зверя, разрывает внутренние органы, зверь валится на землю.

БУДУЩЕЕ

Всё ещё апрель

С земли встает человек и несётся дальше, он бежит к мерцающим вдали огням, к окутанной туманом деревне, где сквозь белую пелену мерцают лёгкие огоньки.

Я добегаю до первого дома с тёмными окнами и стучусь в деревянную дверь. В перемигивающихся огнях дороги я вижу три фигуры, они приближаются. Скрипит засов, дверь проваливается внутрь дома, в черноту, из которой на меня высовывается старческое призрачное лицо с седой бородой.

– Ты кто будешь?

– Спасите, – зачем-то кричу я, – спасите, пожалуйста, Богом заклинаю!

– Ой, ой, все-то! – ворчит старик.

– Спасите, молю! Бандиты гонятся, прошу!

Дедушка впускает меня в дом, и я проваливаюсь в нереальную черноту. Дед прикрывает дверь и смотрит в щель между самой дверью и косяком.

– Бандиты?

– На трассе остановили, машину забрали, убить хотели, – вру я.

– Ой, не похож ты на автомобилиста, – говорит мне дедушка.

Только сейчас я замечаю, что у него в руках двустволка.

Он щурится, смотрит на улицу, а потом спрашивает у меня:

– Эти?

Я подхожу к двери и вижу сквозь проём, как трое человек стоят на нашей стороне обочины, но в деревню почему-то не идут, может быть, боятся. Дедушка распахивает дверь и высывая ружье приговаривает:

– А щас мы их!

Выстрел.

Этот выстрел раздался, как гром, прокатившись по лесу и, возможно, дойдя до окраины города. Что было с ваххабитами, я не увидел, дедушка закрыл дверь.

– Устал, поди?

– Да, устал.

– Машины-то у тебя нет, сразу вижу, ну ладно. Сам-то не бандит, и на том спасибо.

Он поставил ружьё в угол. Это был очень странный дом, потому что в нём всё было черно, как в пещере, где нет света совсем, глаза не привыкали в темноте, казалось, что выстави руку перед собой и не увидишь, а потом воображение начнет её рисовать. В сплошной тьме только плавала белая борода да синие старческие глаза над ней.

– Чаю будешь?

– Буду, давайте.

– Тебе повезло, к слову, у меня пирожки остались.

Он сделал приглашающий жест рукой, я шагнул к нему, и из темноты как будто выплыл стол, на котором стоял обычный электрочайник, вазочка с конфетами, кружки, пирожки, пакеты с чаем. Дедушка плюхнулся на стул и пригласил меня сесть.

– Ах, грубыян¹, – вдруг вскрикнул дедушка, – Михаил.

Он протянул мне руку. Я её пожал.

– Михаил, а по бабушке как? – спросил я.

– Слушай, сколько лет тут живу, а живу тут всю жизнь... столько лет, что и не сосчитать, так без бабушки все обращались, и ты обращайся.

– А много тут народа живёт?

Он поставил чайник.

– Слушай, и не сосчитать. Тебе, малец, повезло, что ко мне пошёл, ужасные бы вещи увидел, к соседу загляни.

– Вот я и заметил, что деревенька-то странная. Домов как-то и мало, и много, и края нет, и конца не сосчитать.

– А всегда так было, мы здесь всем рады, всех ждём, да не идут люди.

– А что страшного могло быть у соседей?

– Ужасные вещи, друг мой, те, которые людям лучше не видеть, те, которые наводят страх и ужас, которые человеку просто не понять, от которых он просто сойдёт с ума или сгорит в пламени.

– Что же это?

– Да яма компостная во дворе незакрытая или навоз, в коровник можно случайно попасть. Я ж шучу.

Я улыбнулся, потому что дед Михаил говорил с какой-то приятной наивностью, но в то же время старческой мудростью.

Чайник вскипел, и мой спаситель налил мне кипятка в стакан с заваркой.

– Угощайся, – он показал рукой на стол со снедью.

– Спасибо, не очень хочу.

– Ох, смотри. Куришь поди?

– Курю, да.

– Но так-то человек чистый, видно по тебе, что хороший. У каждого своё за душой, но у тебя дальше проблем не будет.

– Дальше?

– Да, там, дальше, – дед ткнул пальцем куда-то в сторону и вверх.

– Понятно.

---

¹ Грубыян – это манера речи дедушки.

Я отпил чаю, всё-таки взял один пирожок, он показался мне божественно вкусным, может, я просто так проголодался и устал?

– Так, а зачем они тебя догоняли?

Скажу правду, что поделаться, дедушка меня не знает, я даже имя не сказал.

– Это ваххабиты-террористы, они меня преследовали, потому что хотели убить. Я сдал их полиции.

– Террористы... Ужас, позор для всего человечества. Люди, которые хотят убить других людей только за то, что те не так думают и не так молятся. А ведь раньше в исламе христиане и иудеи были такие же люди, как и мусульмане. Между ними была разница в одежде, да, разница в налогах, но в остальном все друг друга признавали.

– Откуда вы знаете? В смысле, вы интересовались темой?

– Милок, к моим годам я столько всего перевидал. И ведь невдомёк всем на просвещенном Западе, что из-за их колониализма, из-за их враждебности к исламу, отказа принимать его, попытки высмеять рождается радикализм. Общество зеркально.

Он задумчиво посмотрел сквозь меня в черноту, а потом продолжил.

– Человек – очень странное существо, я всё существование за ним наблюдаю. Иногда мне кажется, что я уже ничего не понимаю в нём, в человеке то есть.

Он опять посмотрел в черноту.

Мы сидели в тишине, я пил чай, а он смотрел в черноту.

– Ну ладно, наверное, пора тебе? Те на улице уже ушли поди.

– А вдруг караулят.

– Я так грохнул, что точно убежали. Выстрел же громкий. Если бы по тебе стреляли? Не убежал? Не бойся, всё будет хо-рошо.

Его голос приносил какую-то чрезмерную спокойность.

– Ну, спасибо вам большое! – максимально дружелюбно пытался сказать я.

– Не за что! – ответил мне старик, болтающийся где-то в темноте.

Мы проплыли в сплошной черноте к двери, он приоткрыл её. И тут я заметил справа от двери большой дверь маленькую, с маленькой ручкой на ней.

– А это что?

– А, это для кошки. Она то погуляет, то вернётся, вот дверка для неё.

«Странный дедушка, да» – пронеслось у меня в голове.

– Спасибо вам еще раз!

– До свидания!

Он закрыл дверь. На улице уже светало, солнце аккуратно поднималось над горизонтом. Даже сейчас, в лёгком, предутреннем свете казалось, что деревня не имеет ни конца, ни края. Странная деревня.

– Паша, мать твою, какого чёрта? – орал я следующим утром, даже почти глубоким днём на Пашу в его же кабинете. Рядом с Павлом Михайловичем с привычной полуулыбкой на лице сидел Евгений Андреевич. Женя ещё утром приехал в область и привёз меня сюда.

– Успокойся, пожалуйста, – пытался держать себя в руках Паша, но я как раз себя держать в руках не мог и не хотел.

– Успокоиться? Успокоиться?! Меня из-за вас вчера чуть не зарезали! Второй раз! На этот раз уже наверняка! Из-за вашей дурацкой отчётности! Потому что вам надо было помочь! Паша, чёрт возьми, найди их. Они знают, где я живу, они знают, куда я еду работать. Они же меня убьют.

– Всё сказал? – неожиданно грубо ответил мне Евгений.

Я промолчал, а Евгений продолжил:

– А теперь слушай сюда. Помогал ты не нам, а стране своей. Если бы мы этих сволочей не хлопнули, они бы десять, двадцать, сто человек убили. Я понимаю, что ты очень умный молодой человек, но никак не стоишь сотни других людей. А теперь замолчи, успокойся, выпей валерианочки, чаечку и расскажи без истерик, что было.

И я ещё раз рассказал со всеми подробностями, со всем, что слышал, про войну и про первую кровь.

– Тэкс... – Евгений многозначительно посмотрел на Пашу, тот потупил глаза в пол.

– Я один тут ничего не знаю, да?

– Да и не положено тебе, – опять нагрубил мне Женя.

– Просто обалдеть, – выругался я.

– Слушай, не выёживайся. Знаешь, сколько жмуриков я за свою жизнь перевидал? Ты знаешь с чего я начинал? С какого ада я шёл наверх? Ты видел когда-нибудь, как человека «Сапсаном» сбивает? А его внутренности по радиусу в двести метров разносит? Видел? А я собирал по кускам этого человека. И коллег я хоронил. Так что не выделывайся, твоя жизнь по сравнению с чьей-то просто райский уголок.

Я молчал и смотрел в пол.

Евгений встал, потянулся.

– Жень, ну ты пойми его. Ты, если бы от ножа побегал, как будто по-другому себя вёл бы, – сказал Паша.

– Я и от пуль бегал, – огрызнулся Женя.

Он вышел из кабинета.

– Паша, что за ерунда, почему я не знаю ничего? – уже без истерических ноток спросил я.

– Дело в том, что есть информация. В неё никто не верил, думали, что вброс. Но оказалось, что не вброс. С Ближнего Востока вернулось много людей, они тут создавали тихонько сеть организаций. Причем так мастерски создают, ты бы видел. Хлопаешь ячейку, а кто ими руководил, откуда информация шла, – никто не знает. Есть только номер в мессенджере на левую или украинскую симку, и всё! Оттуда указания, проповеди, литература. Вот как с этим бороться? Никак. И сейчас всё больше вскрывается, что целое государство, понимаешь, исламское государство уже здесь, в нашей стране, оно уже работает, уже живёт, у него уже армия своя, штаб. А мы только сейчас узнали.

Повисла тишина, потом Паша сказал:

– Правда. Не до тебя. Поживи у друзей, если что, деньгами обеспечу, только не надо надоедать, прошу.

– Ладно, прости если что.

– Время такое. Война. Чёрт её возьми, это война, понимаешь?

Он ударил кулаком по столу. А потом сказал:

– Ладно, всё, тему закрыли. У тебя есть где пожить?

– Да, есть. Уже живу, – ответил я, подумав о Лёше.

– Ну всё. Отлично. О разговоре никому, вообще!

Я опять спустился вниз и закурил. И как только я чиркнул зажигалкой, я вспомнил, что не позвонил. Я ей не позвонил.

Да и когда я мог? Когда утром вызывал полицию? Когда утром рассказывал Жене про то, что видел? Когда потом ещё раз рассказывал другим полицейским? Когда потом рассказывал в кабинете Паши?

Но это никак меня не оправдывает. Я не позвонил. Она просила, она ждала, а я не позвонил, и нет мне оправдания, ведь я должен был умереть, истечь кровью, остаться там возле реки, но не забыть.

Я набрал её номер.

Она сбрасывает.

Ещё раз.

Опять.

Мне приходит смс: «Мне надоело играть в игры».

Не успеваю прочитать сообщение, на экране отображается вызов от Егора Николаевича:

– Дружок, и где ты? Работа стоит!

– Я... я... – не могу я сказать ему про Женю и Пашу, – я еду.

– Давай, а то слишком ты часто опаздываешь. Придётся Павлу Михайловичу сказать.

«Я и сам могу сказать, он тут рядом» – думаю я. И еду на работу.

* * *

Оля сидела в баре. Она выпила уже второй бокал виски и выкурила сигарету, наверное, десятую. Её взгляд был полностью отсутствующим. Бар ещё не был открыт, её пустили сюда по дружбе, было тихо, только бородатый бармен протирал бокалы.

Лестница заскрипела под шагами, в бар зашёл Оскур.

– И чего, красавица, тебе опять невесело?

– Ой, Оскар, успокойся, – с ноткой раздражительности ответила она.

– Тот поэтик оказался таким же гадом?

– Заткни свой козлиный рот, – выругалась Оля.

– Да брось, Оленька, я тебе говорил, что он не тот и будет вести себя как дурак. Что и получилось, – он встал рядом с ней у барной стойки, опершись рукой о стену, заискивающе посмотрел в глаза.

– Я просто не понимаю, Оскар, я не понимаю. Всё было так хорошо, и вдруг он куда-то начинает исчезать, говорит, что к нему больше нельзя, потом вообще не выходит на связь. Я звоню, главное, я пытаюсь понять, а он как стеной отгородился, потом вообще почти на сутки пропал. Я просто устала от игр, я боюсь игр, он отбил всё желание с ним говорить. Я и так много наигралась.

Оскур смотрел на неё сладкими глазами, полными пьянящего магнетизма.

– И не смотри на меня так, – Оля ткнула его кулачком в плечо, улыбнулась.

– А может, я хочу тебя на танец пригласить?

– Оскур, мы это проходили.

– Да брось, давай, давай, – он с дьявольской улыбкой начал пританцовывать возле неё.

Бармен как по приказу включил музыку. Оскур схватил Олю и закружил её по бару, между поднятыми на столы стульями,

возле сцены под прекрасную музыку. Он закружил её, а она смеялась, и он держал так крепко, так сильно, что вырваться не получалось.

И закружил её круг седьмой, круг восьмой.

И он поцеловал её своими раскалёнными докрасна губами, а после.

А после он сжимал её прекрасное, упругое, белое, цвета парного молока тело, сжимал её груди, хлестал ладонью по ягодицам, впивался своими губами в шею, играл с волосами. Когда они меняли положение, он целовал её по спине, гладил ноги. Казалось, что не один Оскур с ней, а тысяча крепких, нечеловеческих рук вертят Олю, казалось, что целуют её такие жаркие губы, каких в мире, в нашем мире нет и быть не может. Страсть вырывалась из него, окутывая Олю и подчиняя воле его.

Они лежали в кровати. Дома у Оскура, прямо там, рядом с Думской, на верхнем этаже в красной квартире с красными светильниками, где всегда было жарко.

– Неужто твой поэт так может? – спросил, улыбаясь, Оскур.

– Нет, но он был какой-то настоящий, человеческий что ли. Был хороший.

– Я тебе говорю, что нет ничего хорошего в людях. И ты это уяснила. Люди скоро вымрут, вот помяни мое слово, – Оскар потянулся, демонстративно напрягая мышцы.

– Но он был такой милый, – с мечтательностью сказала Оля.

– Он просто похож на твоего мужа.

– Откуда ты знаешь?

– Догадка. Ты ищешь его, думала, что нашла, но и этот твой поэт ведет себя, как дурак. Во всяком случае, это уже не важно.

Он поднялся с кровати, его мокрая от пота лысина блеснула на свету.

– Я сейчас, – буркнул он.

Она, девственно голая, в поту, в своем поту, в поту Оскура, потянулась к сумке. Сверху лежала бабочка, подаренная недавно. Такая маленькая декоративная бабочка.

Она сжала её в кулаке и зарыдала.

Круг девятый.

* * *

В офисе горели дедлайны, как лучины в подвале неоязычников. Я постоянно вспоминал про Олю и, если бы не жил у Лёши и его прекрасной жены Анны и не выкладывался на полную бы

на работе, то сошёл бы с ума. Рехнулся бы и начал колоть в вену героин. Или убил бы кого-нибудь, но рядом был друг, Лёшу я мог по праву считать другом. И мне не приходилось возвращаться в пустую квартиру, хотя если б не было Жени, то там была бы Оля.

Бывало, я звонил ей, писал, но это не имело никаких результатов.

«Брось, все бабы как бабы», – с умудрённостью в голосе и безмерным опытом в глазах говорил мне Лёша.

Сроки поджимают, Резнову вот-вот сдавать отчёт и ехать в Москву. С каждым днём наш профессор становился всё более грустным и разочарованно серым. Он приезжал в офис уже уставшим, уже разочарованным, а уезжал в принципе ходячим трупом. Мы с ребятами сторонились его, говорили только по делу, и, если между собой у нас как-то, пусть и со скрипом, но завязывались отношения, то с Резновым после теракта говорить было сложно.

Я заглянул в свой список, где была выборка экспертов для опроса, – последний человек. Последний день работы. Завтра Резнов улетит в Москву, куда, как обычно, стекутся эксперты со всей страны. Как обычно, они будут разговаривать и подводить итоги нашей работы, а мы будем ждать оценки того, как же мы всё-таки потрудились.

Последним в моем списке был старый имам, бывший настоятель мечети, а теперь уже человек на пенсии и в глубокой старости. Жил он в небольшой квартире на острове, куда я и отправился.

Шёл до этого дома я достаточно долго, сам не знаю почему, но путь показался бесконечно длинным и запутанным. То я сворачивал не туда, то попадал на красный сигнал светофора, но, в итоге, всё же добрался до коричневого обшарпанного пятиэтажного строения сталинской постройки. Странно – весна, солнце, а ни на улице, ни во дворе нет людей – куда-то пропали дети, пропали вечно ездящие машины.

Я поднимаюсь наверх в тугой тишине подъезда, сквозь затхлый воздух, наполненный запахом пыли и бетонной крошки. Лифта в таких домах обычно нет, и я поднимаюсь на шестой этаж самостоятельно – своими ногами. Звоню в нужную дверь зелёного цвета.

Жду.

За дверью раздаются старческие шаркающие шаги, звякает замок, и дверь открывается.

Передо мной стоит старый человек с очень умными и очень искренними глазами, его седая борода аккуратно ложится на по-

тёртую, клетчатую жилетку, которую обычно носят пенсионеры. На ногах у него брюки, обычные чёрные брюки и тапочки. На голове красивая и расшитая золотой тесьмой тубетейка.

– Здравствуйте, – говорит он мне с лёгким акцентом, – вы по поводу интервью?

– Да.

– Заходите.

Я врываюсь в квартиру. Здесь пахнет книгами и древней мебелью. Сквозь открытые окна на кухне и в комнате просачиваются лучики солнца, в которых мерно и умиротворяюще кружится пыль. Я снимаю обувь, в это время старик с кухни спрашивает у меня:

– Может, чаю?

– Да, было бы неплохо.

– Как вам погода? – спрашивает в ответ имам.

– Отлично, странно только, что никого нет во дворе.

– А, тут так всегда. На улицу мало кто выходит. Здесь так не принято.

– Я бы погулял.

– Ты тоже скоро поймёшь счастье быть на одном месте.

– Почему же?

– Скоро поймёшь, месяца не пройдет. Покой – вот прекрасная вещь.

Тут я понял, что забыл имя этого человека. И помнил ли я его? И человек ли передо мною. Он был больше похож на что-то... что-то нечеловеческое.

– Простите, мне неудобно говорить, но я забыл ваше имя.

– Гаврил.

– Но ведь вы же...

– Мама была русская, а отец татарин. Назвали Джибраилом. А Гаврил – русский аналог. Как вам удобно.

Он подал мне чаю. Мы прошли в комнату и сели в кресла, я ещё раз напомнил про структуру интервью и спросил о готовности. Когда имам кивнул, я включил диктофон.

Это протокольное и банальное:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, молодой человек, – имам смиренно сложил руки на коленях и практически не шевелил мышцами лица, только губами. Это создавало впечатление спокойности и уверенности.

– У меня к вам первый вопрос, насколько российские мусульмане открыты прочим культурным и религиозным группам, насколько близко готовы взаимодействовать?

– Как вам сказать, – он немного прищурил глаза, как будто что-то пытался вспомнить, – давайте будем говорить так, мусульмане в России – неотделимое от единой русской цивилизации образование. Вспомните, сколько татар влилось в русскую аристократию. Вы же знаете, что Карамзин – не совсем русская фамилия, так сказать?

Он улыбнулся, а потом продолжил:

– И Куприн, скажем честно, не совсем славянин. Даже больше, он гордился тем, что был татарин, что его предки были татары. Но это я немного ушёл, давайте ответчу на суть вопроса. Я считаю, что Россия – это необычная во всех отношениях страна. Вы понимаете, что России, по всем законам формирования общества, не должно было быть?

Он сделал пространный жест, и только тут я обратил внимание на книжный шкаф за его спиной. Бесконечные книжные полки уходили куда-то вверх и, как мне казалось, не заканчивались и уносились всё выше и выше. Из моего отвлечения меня вырвал голос Джибраила:

– Россия – это огромная, мёрзлая, холодная территория. Вы понимаете, что, чтобы здесь вашим и моим предкам вырастить хоть что-то, приходилось затрачивать ужасные, колоссальные усилия?

Голос, его голос был каким-то странным, необычным, резонирующим внутри тебя, как будто он не говорил губами, а внутри тебя звучало эхо его голоса.

– Если в Англии, к примеру, на одно посаженное зерно выросло около шести-восьми зерен, то у нас всего три. А это значит, что один мешок ты посадил, один съел, а один отдал помещику. И если тот мешок не прорастёт, то ты умрёшь голодной смертью. Вот так жили наши предки. Ведь где, к примеру, Лондон? Он на уровне нашего Ростова, примерно, могу и ошибаться. А славяне? А татары? Мы выбрали для жизни не самое приятное место. Но мы прожили на нём бесконечно долго, ведь в таких условиях год жизни считается за два. И только вместе русские и татары, да и вообще все мусульмане могут выжить. Я могу сказать, что нам выпала нелёгкая доля, и сейчас мусульмане и православные поругались, но в будущем мы помиримся, потому что Бог – Он один. И какая разница в том, как ему молиться? А что касается остальных конфессий, то они в России всегда были приложением к православию и мусульманам. Их мало, понимаете. Совсем мало. Я бы сказал так, в России все

остальные народности – тоже русские, только немного другие. Русские мусульмане, русские евреи, русские финны.

– Но почему так? – отошёл от установленного регламента интервью я.

– А потому что язык, в первую очередь русский язык, – определяет сознание. Русский язык – самое загадочное в мире явление, которое, как клей, склеивает народы во всем русском мире.

– Ага, но мы немного отвлеклись, давайте дальше. Имеют ли современные мусульмане доступ к религиозному образованию за границей?

– Ох, раньше некоторых отправляли учиться. Как сейчас – Бог его знает.

– А получают ли они помощь от неправительственных исламских организаций (для ведения благотворительной образовательной, учебной и политической деятельности)?

– Наверное. Точно не знаю, я давно не общаюсь с молодёжью.

– А как бы вы оценили государственную политику в сфере религиозного просвещения мусульман?

– Я не тот, чтобы оценивать политику.

– И оценить в сфере просвещения немусульман (относительно ислама)?

– Могу сказать точно, что такой политики нет. Никто не рассказывает школьникам, чему действительно учит ислам. Все смеются над исламом, над его обрядами, требованиями, вместо того, чтобы понять. Это один большой процесс. Понимаете, люди потеряли Бога в себе. И началось это в Европе, и началось, когда, как вы знаете, зародился капитализм, а с ним и «протестантский дух», и конкуренция, и предпринимательство, и вообще всё такое прочее. И что из этого получилось? Мир стал для человека одномерным. Его искания, его домыслы, его Бога заменили деньги, престиж. Мир стал понятным – больше денег, ты лучше всех. А это неправильно. И даже христиане, когда они приходят в храмы, не до конца понимают веру. А те христиане, которые высмеивают ислам, – они предают Бога, потому что не знают, что веруют в одно и то же.

– А как бы вы оценили статус мусульман в России? Быть может, они дискриминированы?

– А как бы вы себя вели, если бы не могли снять нормально квартиру? Если бы постоянно при поиске жилья натыкались на условие «лица такой-то национальности». Это же откровенный шовинизм, нацизм – это нарушает права людей. Их законное право, как минимум, на счастье. Как бы вы себя вели, если бы

не могли устроиться на работу? Если бы в школе ваших детей обзывали? Я не буду точно отвечать на вопрос, но скажу, что общество – зеркально, и ничто не бывает просто так.

– Ага... Как бы вы оценили количество неформальных мусульманских объединений?

– Их много. Официальные имамы не особо хорошо знают теологическую часть. А неофициальные, в основном молодые люди, они хорошо говорят, харизматичны, умны, перспективны. Молодежь идёт за ними.

– А с чем это связано?

– Иностранцы проповедники. Вряд ли вы сомневаетесь, что в России у кого-нибудь нет своих интересов? Также местные криминальные элементы, просто недовольные жизнью люди. Понимаете, для мусульман золотой век ислама – священен. Это время, когда развивались науки, медицина, искусство, философия. Спасибо мусульманам, что просвещённая Европа прочитала Аристотеля. А салафиты апеллируют к этому самому веку.

– Как вам кажется, сколько мусульман уезжает из России?

– Много, увы.

– С чем это связано?

– А я уже отвечал. Общество – зеркально.

– Они возвращаются?

– Не все. Но те, кто вернутся, будут жить совсем по-другому.

– Те, кто возвращаются, адаптируются или организуют свои круги?

– По-разному.

– Несут ли угрозу и в какой степени приезжие из региона Ближнего Востока и Средней Азии?

– Что касается Ближнего Востока, то это сравнимо с армией, которая вторгается на территорию страны. А насчёт Центральной Азии, то чем больше бедных работяг таджиков или узбеков будут эксплуатировать на стройках, чем больше будут обирать коррумпированные полицейские и чем больше их будут ненавидеть местные, тем больше они будут воспринимать идеи радикализма.

– Насколько хорошо государственные органы контролируют ситуацию?

– Как могут, – он улыбнулся.

– Как бы вы оценили радикализацию ислама в современной России?

– Это не остановить. Понимаете, это настоящий кривой кинжал для агнца, которым они хотят вас убить. Чтобы победить противника, надо быть сильнее его, но вы с вашей демократией,

вашей свободой слова и развратом слабы. И проиграете в этой битве, если не научитесь быть сильнее. Боюсь, что я больше ничего вам не скажу.

– Спасибо большое!

– Вам спасибо, но вы вряд ли что-то успеете сделать с этим.

– Почему вы так уверены?

– Потому что... Ту-ту... Время прошло. Ту-ту ворвался в мир.

– Простите?

– Оно уже здесь, и вы пропустили его, пропустили момент, когда ещё можно было остановить. А теперь кинжал пронзит ягненка. Того самого, жертвенного. Европа – ягненок.

Он проводил меня к двери, и мы мило попрощались с ним, я снова вышел на улицу и узрел этот пятиэтажный дом. Очень странный разговор. Очень странный.

* * *

Теракт. И весь день Али был очень нервным, он постоянно ругался про себя нехорошими словами, отменил молитву и старался не выходить на связь, не появляться на конспиративной квартире. Как минимум, это было опасно.

Али позвонили по специальному телефону и попросили прийти. Туда, куда лучше не приходиться. Это было в промышленной зоне, возле заброшенных гаражей.

В условленном месте стояла машина, внутри сидели четверо человек. Когда Али подошел, один «уступил» ему место на заднем сиденье, где сидел старый, суховатый старик с бородой и в тубейке, его глаза, его большие глаза, казалось, смотрят сквозь тебя.

Они поздоровались на арабском и начали разговор:

– Али, скажи мне, будь добр. Почему одних наших братьев арестовывает полиция? А ещё кто-то без нашего ведома взрывает метро? За месяц почти до начала священной войны? Али, что с тобой? Ты потерял хватку? Ты стал стар? Ты перестал верить в Аллаха?

– Нет, нет, Абу, вера моя крепка, я ещё молод и полон сил. Я не знаю, что это за люди устроили взрыв, но, судя по нашим разведчикам в МВД, это сделали одиночки.

– Одиночки?

– Да, они ни с кем не контактировали, сами всё осуществили, мы знаем, что они никто – простые уборщики.

– Дураки, они могли всё нам испортить, хорошо, что наш враг глуп и не видит армию перед носом своим. Но они стали аккуратней, это стоит признать. Нам повезло, что они сделали

это сейчас, а не раньше. Дураки, можно было бы использовать этот шанс. Теперь у нас только проблемы. А что с братьями?

– Их выследила чья-то собака, и доложила. Они не думали, что они так быстро среагируют, не успели. Наши братья пытались ему отомстить, но в его доме их поймали. Но второй раз ему от нас не уйти, мы его найдём и убьём. Точно, клянусь.

– Али, я надеюсь, что вера твоя крепка и работа твоя будет отдана вере, ибо, увидев в тебе сомнение, я должен буду предать тебя отречению. А ты знаешь, что бывает с теми, кто отречён от ислама?

– Я не подведу, у нас всё готово.

– Я слышал о плане от Загида, расскажи и ты.

– Наши братья в прочих городах знают о условленном дне. В этот день мы начинаем. Здесь взрываем сначала метро и известные центры – храмы, музеи, торговые центры, чтобы они испугались, чтобы посеять страх и панику. Потом взрываем школы, дома, перекрываем главные выезды из города и не даём этим безбожникам спастись.

– Сколько у тебя человек?

– Около трехсот, думаю, нам хватит.

– Али, ты верный воин, и я верю в тебя.

Они прочитали молитву. Али вышел из машины и направился дальше.

* * *

Работа была закончена, отчеты сданы. Егор Николаевич опаздывал на самолёт, посему выгнал нас из офиса пораньше. Валя и Олег куда-то исчезли, а мы с Лёшей отправились праздновать наше освобождение, временное, правда, но всё же.

Мы решили немного прогуляться и отдохнуть от офисной рутины. Как обычно, мы направились к барам. Как еще «закреть» конец работы?

– Ты думаешь, мы всё сделали правильно? – спросил у меня Лёша.

– Думаю, мы сделали максимум, который от нас зависел, – ответил я, когда мы шли по Невскому.

– Ты не жалеешь об Ольге?

– Жалею ли я? Жалею. Но, если честно, в последнее время было не до отношений, да и как я мог с ней всё вернуть, если она сама порвала и выбросила?

– Да, причём в твоём случае совсем странно.

– Тут ничего странного, просто у неё и так мир один раз сломался. Сломался так, что утащил в разлом всё хорошее. Ты бы как поступил, если бы у тебя такое случилось?

– Не задавай такие вопросы. Никогда больше. Слышишь?

– Вот, а она это пережила. Она хоть и была странная, но...

– ...Но в каждой девушке живут черти, а в этой, сдаётся мне, обосновался дьявол.

– Да, но я её люблю до сих пор. Не знаю, любовь столь иррациональное, столь непонятное. Зачем её любить? Как? Почему её? Можно же найти нормальную девушку, хозяйственную, а не такую сумасшедшую!

– Поверь, у девушек не лучше. Думаешь, их не тянет на дураков?

Мы плыли по Невскому, а Петербург смотрел на нас и слушал наш разговор.

И вот мы приплыли к бару, сели и заказали пива, а потом сразу и виски.

– Чем дальше займёшься?

– Я хочу диссертацию защитить. Статью дописать, потом, может, отдохнуть куда-нибудь съезжу. Может, не съезжу. Посмотрим...

– А мы, наверное, ребенка сделаем.

– Решился?

– Да пора бы уже. Всё это закончится, ты съедешь, и мы маленького заделаем. Может, на дачу съездим под Новгородом.

– Хорошо будет, когда это закончится.

– Я опять преподавать пойду, студенты там от меня уже поди отдохнули.

– Так, а почему ты не в универе?

– Да потому что ставку там мою убрали как раз после Нового года. Несколько факультетов в одном структурном кусте, вот там мне кадровик очень помог.

– И что делал всю зиму?

– Да, деньги были, как-то жили, сейчас денег подзаработал, статьи писал, курсовые на заказ. Представляешь! Кандидат наук!

– И куда пойдешь теперь?

– Да, есть пара мест. Думаю, ткнусь, Резнов обещал помочь.

– И сын будет.

– Я дочку хочу, – улыбнувшись, мило сказал Лёша. Маленькую такую девчушку, чтобы в Аню была, чтобы такая красивая, на машине её катать, в садик детский отдать, в школу.

– А потом она вырастет.

– Все вырастают, мы выросли. Наши родители. Я это прекрасно понимаю, но она всегда будет моей дочкой. А пока будет маленькой куколкой, я сделаю всё, чтобы её нормальным человеком воспитать.

– Интернет запретишь до двадцатиоднолетия? – улыбнулся я.

– Я думал об этом, к слову, – засмеялся Лёша.

И тут я увидел их.

В свете витрин и фар, я увидел, как он её целует. Как впирается в её губы, как сжимает в своих нечеловеческих руках её фигуру.

Я вскочил, Лёша, увидев, куда я смотрю, кинул туда взгляд и тут же бросился ко мне.

– Успокойся, давай, слышишь меня! – держал своими крепкими руками за плечи меня Лёша.

– Я убью его, пусти, я убью его! – кричал я, забыв, что вокруг сидят люди.

Внутри всё оборвалось, растаяло, испарилось. Внутри родилась пустота, которой самой в себе было скучно и дико одиноко.

– Да пусти меня, ублюдок, – крикнул я Лёше.

И тут же получил оплеуху по лицу. И сел обратно.

Надо мной возвышался Лёша:

– Ты совсем дурак? Не хватало ещё в полицию загреметь.

– Но... что делать?

– Ничего не делать. Терпи. Это больно, но все через это проходят.

В это время Оскур стрельнул на меня глазами, сильнее всасываясь в её губы.

– Мразь, – прошипел сквозь губы я.

– Не надо. Не надо! – опять схватив вскочившего меня, кричал Лёша.

– Надо выпить, тебе надо выпить, – сказал Лёша и сунул мне в лицо бокал с виски.

Я отпил, а потом выпил всё.

– Молодые люди, я прошу вас уйти! – подала свой плаксивый голосок администраторша на высоких каблуках и в вызывающей мини-юбке.

– Он уже успокоился, – сказал Лёша.

– Но все равно я настоятельно прошу вас удалиться.

– Да пожалуйста, – махнув рукой, сказал я и пошёл прочь.

Идя в следующий бар, мы смеялись с Лёшей, что не заплатили, а ни Оли, ни Оскура уже не было, как будто они под землю провалились.

В тот вечер я пил до потери пульса, пил так, что Лёша тащил меня домой на себе. Я помню, как меня рвало, как Аня ругалась на меня, как она носила мне тазики.

А потом пьяный сон.

И утро. И кошки во рту, и больная голова.

Лёша зашёл ко мне и с улыбкой палача сказал:

– Доброе утро, юный Есенин.

– Есенин уже умер, по-моему, – отозвался я из кровати.

– Ты вчера был близок. Браток, – сказал Лёша, садясь на край кровати, – больно?

– Ты не представляешь как. Как будто сердце вытащили, а новое не отрастить.

– Понимаю. Я чайник поставлю, тебе горячего попить надо.

В последние дни апреля я всё меньше появлялся в офисе. Я вообще не хотел выходить из Лёшиной квартиры и только читал книги, которые захватил из дома, иногда кое-что записывал.

Как мне говорили коллеги, Резнов не выходил на связь. Не звонил, а когда звонили ему, он не отвечал. В офисе делать было нечего, но мы иногда приходили туда, сидели за компьютерами, сидели в интернете, заказывали еду, ждали.

День.

Ещё день.

Прошла неделя. Крайний срок, когда должен был вернуться Егор Николаевич. Никаких новостей, и только осиротевший, скучающий, грустный офис.

В дополнение к депрессивной картине полил дождь. И тогда мы совсем перестали вылезать – либо из офиса, либо из квартиры. Ожидание затянулось, и мы с Лёшей начинали строить предположения о том, что же могло случиться и почему с нами не выходят на связь.

Там было всё, от того, что мы плохо поработали и Егору Николаевичу стыдно, до того, что мы поработали хорошо и Егор Николаевич просто украл деньги.

Евгений Андреевич и Паша куда-то пропали тоже. Казалось, что весь город застыл в предвкушении чего-то грандиозного и колоссального.

Он застыл до определенного дня, когда я всё же прибыл в офис. Лил мерзкий мелкий дождик. Я читал в своем кресле, попивая чай. Лёша спал, развалившись в потёртом кожаном

диване возле кулера. Валя и Олег играли в шахматы на планшете.

Все возможные версии мы перебрали, продумали, обговорили – смысла что-то обсуждать не было. Главное, что на наши карточки нам пришла зарплата, а это было звоночком о том, что мы не забыты и обласканы своими высокопоставленными благодетелями.

Сквозь дождь, сквозь весенний каприз к нам шло страшное, ужасное известие. Опять же в виде моего старого товарища.

Паша вломился в офис, хлопнув дверью, его плащ был лишь немного залит водой, видимо, он приехал на машине. Он был не выспавшийся, серый, усталый.

– Ребята, – сказал он, озираясь по сторонам, – есть кто ещё здесь?

– Неа, – протянул проснувшийся от хлопка дверью Леша.

– Ага, ага... – протянул Паша и сел на свободные стул, – слушайте внимательно, ребят, есть новости.

Мы, как в первый день, как солдаты на биваке, окружили своего нового офицера.

– Пришли новости.

Он сделал паузу, чтобы мы прочувствовали всю важность.

– Ребят. Ваше исследование провалилось, информацию вы собрали никудышную почти, но были и интересные моменты. Не суть, сейчас не об этом. Егор Николаевич в Москве в больнице. После совещания попал, бедолага, что-то с сердцем. На совещании была предоставлена новая информация.

Он сглотнул.

– Ребят, а есть чай?

– Да, – я пошёл, набрал в чашку воды и кинул туда пакетик. Пока все это происходило, он продолжал.

– Пришла информация, что ваххабиты создавали здесь сеть. Почему раньше не было атак? Почему сразу не начались удары?

– Ну так выжидание, хиджра, все дела, – подал голос с дивана Лёша.

– Именно! Когда они понимают, что не могут бороться, объявляют хиджру, это когда Магомет из Мекки в Медину переехал, а потом обратно. Так вот, когда они понимают, что бороться не могут, что ресурсов не хватает, они либо уезжают, либо уходят на дно. После чеченской войны они залегли, они поняли, что не могут бороться. И нам казалось, что мы победили. Нам казалось, что мы сдержали их. Все чиновники, силовики смотрели на то, как мало стало атак, как стало меньше реальных ячеек. Смотрели на

то, как люди уезжали на Ближний Восток и говорили, что это есть хорошо, потому что лучше, чтобы они уехали и не вернулись.

Он хлюпнул чаем.

– Но пока власти праздновали победу, они создавали здесь сеть. Большую, даже огромную сеть, создавали ресурсы, обучали людей, готовили специалистов. Недавно, только недавно к нам пришли данные. Тот удар – это только начало. Они нас прощупывали, смотрели на реакцию. Готовились. А теперь начнется основное действие.

– И что нам делать? – спросил Валя.

– Вам – валить из города. Полиция на ушах, ФСБ на ушах, все на ушах. Проверки, проверки, бесконечные проверки. По информации, кто-то уже уехал из города. В общем, могу вам посоветовать на время свалить. Это не стопроцентная информация, это не утверждение. Просто для вашей же безопасности.

– Всё так плохо? – спрашиваю я.

– Мы не знаем, насколько все плохо. Информация непроверенная достоверно. Мы сейчас, как ставка Сталина в начале июня, – нам приходят разные данные, а мы сидим и не знаем, что делать.

Он допил чай.

– Ладно, короче, люди вы неглупые. Ваша работа закончена, сдавайте ключи, закрывайте офис, вон отсюда. Спасибо за работу.

Паша ждал, пока мы собирались. Его известие нас потрясло, но в то же время мы наконец-то могли покинуть уже надоевший офис. Времени обсуждать было мало, поэтому мы нехотя собирали то небольшое, что придаёт офисным работникам какую-то индивидуальность. Чашки, стаканы под ручки, стикеры – мы выносили все, как покидающие захваченный город жители.

С Лёшей мы ехали домой молча, только уже в квартире, на кухне, под шум электрочайника он мне сказал:

– Неужто всё зря?

– Что зря?

– Наша работа?

– Только наша?

– В смысле, всех нас. Ты только представь, сколько людей работает для нашей безопасности? Сколько полицейских, агентов, судей, прокуроров? Сколько учёных каждый день, каждый месяц заняты тем, чтобы объяснить происходящие в мире вещи, не понятные нам вещи! Сколько их, профессоров, деканов, докторов, доцентов и кандидатов наук? А толку? Смысл в наших

исследованиях? Статьях, диссертациях? Сколько людей сейчас пишут статьи? Сколько мы с тобой оба написали статей? А сколько выходит книг? И что? И никто их не читает! Мы не читаем друг друга, мы не слышим друг друга. Человек читающий ушёл, а на его место залез человек пишущий, который пишет в пустоту! Наше вечное проклятье этой усталой кровью земли, мы не умеем слушать и понимать, а только кричим друг на друга.

– Понимаю, Лёш. Все прекрасно понимаю. Но ведь правила игры сильнее нас. Глупо пытаться их менять.

– Глупо. Вот мы и сидим в луже из собственных правил.

Мы молча выпили чаю.

– Завтра предлагаю стартовать.

– На машине? Вот так сразу?

– Да, а что поделать. Съездим на дачу под Новгородом. Там точно безопасно. Переждём, отдохнём от этой ерунды заодно. У меня и так времени от отпуска много, а ты свой диссер закончишь. Природа, май, шашлыки, воздух, – Лёша мне подмигнул.

– А тебе кусок в горло полезет? Если тут начнётся?

– Не полезет, но у нас выбора, по сути, нет вообще. Либо здесь остаться и узреть, как оно всё падает и ломается, либо переждать.

– Не смогу я так.

– А что ты хочешь? Бегать по улицам? Кричать, что скоро начнётся война? В психушку попадёшь и исчезнешь там. Ты же сам говорил, правила игры – не пытайся их поменять. Не справишься.

– Наверное, ты прав.

– Может... – он осёкся, – может, Олю забрать?

– Как?

– Ну позвони ей, пригласи на дачу, если не захочет, объясни ситуацию.

– А смысл?

– Она же тебе нравится.

– Лёша, я её люблю. Но она с этим дьяволом, она полностью его.

Лёша молча глотнул чай.

Я закурил прямо на кухне.

Конец апреля

В тот день Абдулла мыл посуду на кухне в общей квартире, на кухне играла музыка из его телефона. Али не разрешал её включать, он говорил, что это преклонение перед многобожием. Но Аб-

дулла в это не верил, как такая красивая музыка может быть грехом? Тем более Али сегодня куда-то ушёл и на звонки не отвечал.

Вдруг в дверь ударили, потом ещё раз, что-то хрустнуло, звякнуло, дверь открылась, затопали ноги, слышались крики, земля вокруг опрокинулась, и Абдулла сам не заметил, как оказался в наручниках на полу, «мордой в пол». В квартире, в которой был только Абдулла, сотрудники ФСБ нашли килограммы экстремистской литературы, несколько пистолетов, наркотики, патроны, гранаты, взрывчатые вещества. В тот день Абдулла показывали по телевизору, задавали вопросы, вокруг бегали нервные люди в форме, но Абдулла толком не знал, что происходит, и так и не мог ответить на главный вопрос, где главный и кто главный на конспиративной квартире.

В тот день двадцать мужчин из молельни Али уже ехали через Азербайджан в Сирию и Ирак, где их ждали полевые командиры, ждали автоматы, патроны, ждала война, война за Бога, которую они готовы были вести с полной самоотдачей.

В тот день несколько групп пришли к условленным заранее местам. Некоторые группы несли внушительные сумки со взрывчаткой, кто-то нёс сумки с оружием.

День начался с того, что около двенадцати дня прогремел взрыв в Исаакиевском соборе, также около двенадцати прогремели взрывы в Москве, Новосибирске, Уфе, Екатеринбурге, Краснодаре. Взрывались дома, больницы, школы. Вооруженные группы нападали на полицейские участки, вооружившись снайперскими винтовками, они расстреливали людей из жилых домов. Буквально за несколько секунд началась настоящая война, её линии фронта, её окопы и могилы прошли по нашим спальным районам, детским площадкам, больницам и школам. Армия полумесяца готовила свои атаки, готовила план войны с нами долгие годы, разрабатывала его, выправляла.

И вот они ударили разом, единым фронтом, чтобы дезорганизовать власть, чтобы заставить её нервничать, метаться, чтобы вселить людям в сердца страх и внушить убеждение в своей безграничной силе.

В этот день мы проспали. И слышали о начале войны по радио в машине. После каждой новости мы вздрагивали, и у Ани на глаза наворачивались слёзы.

Лёша и Аня сидели на передних сиденьях, я сидел сзади. Мы выезжали из города, который встал в огромную пробку. Люди бежали из города, а мы проспали, проспали начало войны.

Когда мы стояли в пробке на окраине города, возле развязки и спасительной трассы рядом с нами что-то ухнуло. На секунду я потерял понимание того, что происходит, а потом.

Потом я рванул дверь и выскочил на прогретый солнцем асфальт. На каком-то расстоянии впереди от нас догорала взорвавшаяся машина. Бегали люди, слышались выстрелы и крики. Из нашей машины выскочили Аня и Лёша. Аня с моей стороны, ближе к обочине, а Лёша со своей.

И почти тут же его голову пронзила пуля. Она вылетела с другой стороны, и я отчетливо видел, как кусочки черепа проламываются изнутри и красный фонтанчик вырывается наружу, забрызгивая синюю крышу машины.

Аня закричала, её крик слился с криками других людей, выстрелами и потрескиванием горящей машины. Я хотел было схватить её за руку, но она бросилась к упавшему мужу, обвинила его за обезображенную голову, из которой пульсирующим фонтаном била алая кровь и стала гладить красные и мокрые волосы, продолжая громко рыдать.

К нам шли люди в военной форме и с оружием в руках. Они стреляли по машинам, добывая тех, кто не успел убежать, они стреляли по тем, кто пытался убежать.

И по нам.

Я упал на землю.

А Аня плакала и гладила мертвого мужа, пока и её не пронзили две пули. Так я их и оставил там у обочины: мертвая Аня с аккуратными дырочками в груди, сидящая возле мужа с кроваво-красными волосами.

А я.

А я бежал прочь от дороги, прочь от смерти, я опять был зверем, я опять уносился вдаль, чуя запах пороха, слыша сзади выстрелы, и крики, и треск горящей машины. И всё это, всё это сливалось в одну единственную войну, войну за Бога, которая началась сегодня.

Кинжал пронзил ягнёнка.